

Виктория Кинг (Victoria King) – русскоязычная американская писательница, публицист, автор рецензий, эссе и трех романов, участница международных конференций и симпозиумов. В прошлом учредитель, спонсор и член редколлегии альманахов «Голоса Сибири» и «Литературная Америка». Более тридцати лет Виктория Кинг прожила в Алматы. Закончив Алматинскую консерваторию по классу фортепиано и ассистентуру-стажировку по режиссуре музыкального театра в ГИТИСе (Москва), Виктория Кинг несколько лет проработала режиссером музыкальной редакции на Казахском республиканском телевидении. Переехав в США, создала несколько стартапов, продолжая пробовать себя в качестве прозаика.

Переехав в США, создала несколько стартапов, продолжая пробовать себя в качестве прозаика.

Виктория КИНГ
(США)

ОТШЕЛЬНИЦА

(Фрагмент романа)

Пролог

Самолёт задержали на целые сутки – Новосибирск затянуло туманом. Погоде было всё равно, что на дворе уже новое тысячелетие и третий год нового столетия – она капризничала. Ничего не оставалось, кроме как скоротать долгие часы ожидания за нехитрыми занятиями.

Натянув поплотнее шапку на уши, я отправилась на поиски подарков, благо по всему городу – да что уж говорить, по всем городам России! – словно лоскутные одеяла, раскинулись барахолки. А на улицах можно увидеть бабусек, продающих, кто что может. Им-то не приходится капризничать, им капризы противопоказаны судьбой, они самым доступным образом добывают себе пропитание.

Словом, привезти какой-никакой сувенир я смогу, а то возвращаться из командировки с пустыми руками – вроде не положено. Впрочем, я сама себе такой закон придумала: где бы ни оказалась, всегда покупаю сувениры – для памяти, раздумий или душевных сожалений, если командировка не удалась.

На такси добралась до ближайшей толкучки. Пошла по рядам, оценивая, откуда что навезено: Китай, Польша, Эмираты. Тряпки, тряпки, ещё раз тряпки... Ничего подходящего.

Неожиданно увидела между прилавками, прямо на земле, на расстеленных газетах, книги. Дряхлая бабуля продавала их на вес – выдавший виды «безмен» лежал рядом. Пригляделась и ужаснулась...

Вспомнилось, как за такими книжками сама «охотилась» по молодости. Купить, вернее, «достать» – была мечта той поры, да что там купить, хотя бы взять у кого-нибудь почитать, и то счастье. Потом, когда удавалось добыть же-

лаемое, передавала друзьям буквально из рук в руки, и то с опаской: как бы не потрепали, не потеряли...

А тут, надо же – сплошная классика! Честерфилд – «Письма к сыну», Пастернак, несколько томов из собраний сочинений Чехова, «Белая гвардия» Булгакова... До чего же народ у нас изобретательный, на килограммы литературу распродаёт. А что? Занимательно, а может, и выгодно.

Взгляд задержался на толстой книге в тёмно-синем коленкоровом переплёте с золотыми буквами: «Мифы и легенды Древней Греции». Почему-то сердце засадило...

Непонятно, в связи с чем, но мне стало жалко себя, свою жизнь и эту вот книжку...

«Наверное, бабуля собственную библиотеку распродаёт, на кусок хлеба наскрести», – подумала я и участливо спросила:

– Бабуленька, книжки, поди, из вашей личной библиотеки?

– Да что ты, милая! Я таких книг отродясь не читала, да и некогда было! Сама знаешь, на нашем веку старикам досталось под завязку, да и сейчас умереть спокойно нельзя. Похоронить денег не хватит. Нет, книги не мои, одна старуха мне их по дешёвке продала, ей на панихиду в Никольской церкви деньги были надобны, вот она меня и уговорила, сказала, что за них я тыщи выручу – много больше, чем я ей, бедолаге, ссудила. Да только никто их у меня не покупает, интересу на литературу у людей нонче нет. Может, ты что купишь, выбирай, ну хоть пару килограммов? А?! Сделай милость, а то замёрзла совсем, до костей пробрало...

– Я бы с радостью, только мне лететь на самолёте, они же тяжёлые, а с багажом мороки не оберёшься. Уж извините, не могу...

– Ну, как знаешь, – проворчала бабуля.

И я двинулась дальше по рядам, трогая заморские шмотки. Но, несмотря на мой отказ купить книги, нечто завораживающее тянуло назад, к разметавшейся на газетах куче книг, к этому сонму истерзанных, искромсанных душ и судеб, истории которых были напечатаны чёрным по белому и затянуты в обложки разного цвета и качества..., продающихся... по килограммам, как мясо или молочные сосиски. Просто бред какой-то, наваждение. Вот именно, если старуха не продаст книги, то не купит себе и куска хлеба, не то что сосиски. Не пройдя и двадцати шагов, я развернулась и опять подошла к ней.

– Милая ты моя, вернулась-таки?! – с волнением спросила бабушка. – Ну, какие тебе приглянулись?

– Только одну книгу куплю, вот эту, – указала я на мифы Древней Греции, решительно сунула несколько сотенных старухе, схватила книгу и резко зашагала в сторону выхода. Меня трясло. Судорожно я пыталась запихнуть книгу в сумку. Коленкор обложки ледяной, но казалось, что даже через кожаные перчатки поверхность книги обжигала. В голове промелькнуло: «Бедная ты моя, замёрзла», – это я говорила с книгой. И правда, в воздухе запахло снегом. «Наверное, мороз к утру грянет, и снег пойдёт. Зима...»

Вернувшись в переполненный аэропорт, я с трудом нашла свободное место. Жёсткое неудобное кресло не позволяло расслабиться, и я решила полистать купленную книжку. Ждать вылета больше двадцати часов, надо же чем-то заняться.

Книга сама собой раскрылась на тринадцатой странице, на первой главе – «Происхождение мира и богов».

Начало абзаца звучало сурово и просто: «Вначале существовал лишь вечный, безграничный, тёмный Хаос. В нём заключался источник жизни. Всё возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги».

Фраза идеально подходила к моему внутреннему состоянию. Без конца пытаюсь в хаосе собственной жизни найти новое начало, идею, дело – чтоб в конце концов найти мир в душе... А уж с богами у меня вовсе напряжёнка: то поставлю кого-нибудь на «пьедестал», то сброшу...

Отвлёкшись на какое-то время от чтения, глянула на титульный лист и нашла посвящение, написанное наискосок крупным, размашистым, но каллиграфическим почерком: «На память Дашеньке Белоцерковской от горячо любящего папы», подпись и дата – 24 декабря 1960 года. Это сочельник, самый канун Рождества. Но в России тогда ещё не существовало такого праздника... Наверное, книга подарена просто в день рождения... Был испечён торт, уют и тепло дома, ласковые, любящие взгляды освящали этот особенный для девочки день. Она радовалась, листала книгу, которую ещё предстояло прочесть, заголовки сулили сказочные происшествия. Потом минули годы, и этот день канул в прошлое, да и всё былое стало мифом.

Теперь эта книжка с барахолки – в моих руках, в холодном гулком зале ожидания аэропорта, где мятущиеся, уставшие, возбуждённые люди вряд ли помнят о богах и героях Древней Греции, а может, и вовсе о них не слышали... Отогнав мимолётные размышления, вернулась к первой главе и углубилась в чтение.

Неожиданно, когда я перевернула очередную страницу, меня ошеломила догадка...

Моему удивлению не было предела: между строчек типографского набора вязью струились мелко начертанные дневниковые записи. Мой взгляд зацепился за строку из текста мифов Древней Греции – «Высоко на вершине Олимпа царит Зевс»... Скользнув взглядом вниз, я ухватила таинственную вязь и начала читать, постепенно пытаюсь вникнуть в забытый мир чьей-то жизни, повествование о которой захватило меня с первого же слова: «отец»...

Глава первая

СЕМЬЯ БЕЛОЦЕРКОВСКИХ

Отец и моя семья жили в питерской коммуналке.

Сколько себя помню, каждое утро папа будил меня лёгким прикосновением к щеке, шепча: «Дашенька, доченька, проснись, скоро солнышко встанет, в школу пора, просыпайся, малыш». Откроешь глаза, а он стоит над тобой, большой-большой, с пышной шапкой вьющихся тёмно-русых волос и смеющимися голубыми глазами. От него всегда пахло красками, деревом, свежими опилками и... успехом, особенно когда в суматохе будней он готовился к премьере, волновался и нервничал из-за каждого гвоздя, неправильно вбитого рабочими сцены, или из-за недосохшей краски на декорациях.

В доме было много вещей, которые не могли существовать без отца, как и он без них: рулоны ватмана – такие макароны, связанные вместе по нескольку штук, гигантские этюдники, впопыхах втиснутые между стеной и нашим единственным шифоньером, который с годами отодвигался всё дальше и дальше от стены, а несчастные боковые стенки еле-еле выдерживали тяжесть наваленных на них эскизов; макеты к очередному спектаклю, обычно стоящие на столе, под кроватью (старые задвигались глубоко под письменный стол)... Были и такие, которые совсем не пошли в дело – те он любовно, на всякий случай, складывал на антресоли, так он называл им самим сделанные навесные полки с дверцами прямо над входной дверью. И, конечно, – мольберт. К нему никто не имел права прикасаться. Это была святыня. Отец работал главным де-ко-ра-то-ром в драматическом театре. На театральных афишах, висевших в нашей комнате, я с гордостью читала его имя: Георгий Белоцер-

ковский. Афиши были моим первым букварём, по ним я учила буквы, складывала слоги и, запинаясь, прочла первое предложение.

...А ещё была «священная Закулиса». Мне всегда казалось, что она живая, потому как с самого детства Закулиса вносила немало авантюрного и лихорадочного в нашу жизнь.

В ней всегда что-то происходило: то она нечаянно сталкивала кого-то с кем-то; то подкидывала под каблук «ведущей и всеми уважаемой, заслуженной» оставленные аккуратно на пути молоток или деревяшки, и тогда, спотыкаясь, актриса скверно ругалась и на чём свет упоминала всех, кто Закулису не любит и не может правильно организовать работу.

...А ещё Закулиса имела отвратительную привычку шептаться и перешёптываться, путать всем карты и опаивать актёров в стельку после очередной премьеры. Закулиса знала все семейные драмы: кто кого бросил, кто к кому приехал и у кого кто родился. Она знавала слёзы и гомерический смех, но главное, что ей было присуще – это беспредельная любовь каждого, кто хоть раз побывал в ней или хотя бы вдохнул её запах.

Закулиса трепетала с каждым актёром, предвкушающим успех, переживала и с теми, кто выходил на сцену впервые, и с теми, кто делал свой последний шаг в финале заключительного спектакля, прежде чем окончательно покинуть подмостки...

Она никогда не соперничала со сценой, ей это было ни к чему. Она торжествовала от невидимой власти – создания волшебства для сцены, – и поэтому мирилась со своим положением. Она была вечной, как и театр.

Закулиса принимала тысячи поклонников, с цветами, шоколадом и шампанским...

Впрочем, как и моя бабушка.

Да, бабуля была актрисой, и с юности она славилась своим неумным характером и невероятной красотой. Даже сейчас, в преклонном возрасте, она позволяла себе надевать шляпки с вуалетками и тонкие кружевные перчатки, а её дивные русские шали, доставшиеся неизвестно от кого, до сих пор вызывали зависть у женщин. Вокруг неё всегда вились благообразные старички, которые галантно поддерживали её «под локоток», водили в театр или на выставку, и ещё у бабули были две старые подруги, с которыми она частенько выходила попить чаю или степенно продефилировать по Невскому в «Пирожковую», чтобы интеллигентно и безобидно поболтать-сплетничать обо всём на свете.

Бабушка меня любила и сохраняла все мои шедевры, берегла мою первую картину, выполненную в трёхлетнем возрасте на огромном куске ватмана. Это была целая история... Однажды вечером родители с бабулей после ужина что-то бурно обсуждали, а я, вытаскив отцовские тюбики, сосредоточенно выжимала краски на бумагу и наступала на них ногами, увлечённо рассматривая, как все цвета радуги вылезают на бумагу сквозь пальцы ног; руками получалось не так здорово, зато можно было «штамповать» отпечатки ладоней и возить ими из стороны в сторону...

Отмывали меня долго чем-то дурно пахнущим, но не ругали. Бабушка частенько показывала нашим общим знакомым мои поделки и особенно берегла черепашку, связанную мною крючком из коричневой и жёлтой шерстяной пряжи и туго набитую ватой. А мою картину назвала «Домашний авангард в младенческом возрасте».

Бабуля научила меня вязать, шить, штопать носки и вышивать гладью.

Больше всего я любила класть голову на бабушкины колени и, зажав глаза, наслаждаться ощущением покоя и счастья под её нежной рукой, гладившей мои волосы, и слушать сказки, которые она сама сочиняла.

«...Богиня Гера, жена Зевса...»

А мама...

Тамара Белоцерковская, мама, всегда пела. Она была хористка Ленинградского оперного театра, но говорила, что работает в Мариинке – по старинке. Она всегда хотела петь ведущие роли, но отчего-то так и не получилось. Мама знала столько арий и романсов, что могла петь часами, не повторяясь. Часто выезжала на гастроли по Союзу и постоянно привозила новые песни, она их коллекционировала. У неё было три толстенных тетрадки, исписанные от корки до корки. Мама могла открыть любую страницу, и с первых же слов лилась мелодия, которую она слышала один-два раза, причём много лет назад, и всё же помнила досконально. У неё была великолепная память.

Она подрабатывала в церковном хоре в небольшой действующей церкви в Пушкине и иногда брала меня с собой на службу. Больше всего мне нравилось бывать там на Пасху. Мы с ней и бабушкой собирали полные авоськи испечённых куличей, крашеных яиц и отправлялись. Всегда старались выскользнуть из комнаты и пройти по коридору коммуналки тихо-тихо, как мыши...

* * *

Мой взгляд выделил из книги очередную фразу – «Богиня Гера покровительствует браку и охраняет святость и нерушимость брачных союзов... Боги чтят Геру, чтит её и муж, тучегонитель Зевс. Но нередки и ссоры между Зевсом и Герой...»

Да, ссор хватало... Мама очень любила отца. Её любовь была сродни безумию, она его ревновала ко всем и вся. Однажды её ревность чуть не довела их до развода. Они крупно поругались из-за молоденькой натурщицы, которую отец рисовал в студии. Случайно мама заехала туда по срочным делам и застала их в «ненадлежащей позе», как она в слезах объясняла ситуацию бабушке. Не устраивая сцены в студии, дождалась, когда отец вернулся домой, и ледяным тоном выложила все свои чувства и мысли – пусть сам рассудит!

Отец горько смеялся и пытался «расставить всё по местам», но не получалось. Мать рыдала и в истерике кричала о распутстве, псевдотворчестве и разводе. Только к поздней ночи всё утихомирилось, единственно, что было ужасно – вся коммуналка, притихнув в тот вечер, слушала, застав дыхание, монологи моих родителей, моих Зевса и Геру.

Для обитателей нашей коммуналки такого рода сцены из «Действия Великого Зевса» были редки и, вне всяких сомнений, интересны. В ту ночь отец кричал во сне, а мама его тихонько успокаивала. Он был бывший фронтовик, дошёл до Берлина, стоял в очереди на отдельную квартиру и машину. Только очередь никак до него не доходила, а ночные кошмары никак не покидали. Иногда он вспоминал о войне и рассказывал о своём генерале, о фронтовых друзьях. Отец воевал на Северном фронте...

Дважды к нам в Ленинград из Алма-Аты приезжал его генерал – по фамилии Архангельский, седой, крепкого сложения мужчина. Оба раза они с отцом говорили шёпотом до утра, до самой зари, плача, наливали себе водки, поминая тех, кто погиб на войне.

Бывал у нас ещё один папин друг, странный, сумасшедший художник, работавший декоратором в Алма-Атинском оперном театре. Про этих своих казахстанских друзей отец всегда говорил, что они – как лёд и пламень, никогда не сольются и никогда не поймут друг друга. Для меня было очень странно, что его друзья не собирались вместе, и даже в Алма-Ате ни разу не встретились друг с другом, несмотря на то, что жили по соседству.

Генерал и художник дружили с отцом каждый порознь, рассказывая ему понаслышке о жизни друг друга. У генерала хватало юмора, и он, что назы-

вается, «в лицах» расписывал художника – расхристанного оборванца, важно шествующего по Никольскому базару в Алма-Ате с мольбертом и самодельной холщовой сумкой через плечо. Но никогда не судил о его творчестве и не возмущался «попращием приличий» и моральным обликом художника – тот крепко выпивал и даже приставал к прохожим с длинными дискурсами о слепоте обывателей, не чувствующих или не воспринимающих новое искусство.

Зато живописец с сарказмом отмечал, что генеральский героизм сгодился лишь на пестование пчел, и единственная отрада, – это купить на базаре мёд с генеральской пасеки, по дружбе и подешевле... у его жены, хм..., у самой генеральши...

* * *

Бывший фронтовик – и декоратор в театре. Странное сочетание... Да и судьба, наверное, ой-ё-ёй какая была... Генерал пчёл разводит... А на базаре стоит и продаёт мед «генеральша».

Надо же, так меня зовут между собой мои сотрудники, подумала я, оторвавшись от чтения. Наверное, когда-нибудь таких, как я, назовут «старые новые русские». Картина, возникшая передо мной, привела в ужас. «Всё проходит, всё проходит в этой жизни. Ну да, я – крутая, есть у меня капиталец; многие завидуют, но я сама заработала. Тяжело было, порой грязно и противно, но – выстояла. Иногда казалось, вся моя работа – зряшный, прямо Сизифов, труд. Судьба не сложилась, трижды замуж выходила, детей хотела, – не вышло. Одна живу, только бизнесом и занимаюсь, ни выходных, ни проходных, как говорится... Так что – чему бы завидовать? Хотя...

Пятьдесят стукнуло, выгляжу хорошо, за собой слежу, в спортивный зал при всей занятости захоживаю, на массажи не опаздываю. В командировки по разным концам света мотаюсь, много чего довелось повидать...

Иногда вспоминаю о возрасте – неужто старость?! Но чаще искренне забываю подсчитывать годы, даже не задумываюсь... А кто задумывается? Может, старость уже на подступе, но ты её напрочь не замечаешь, тебе просто некогда обращать внимание на эти мелочи, вот и храбришься-молодишься...

Впрочем, если подумать, так люди в последнее время с гораздо большим почтением стали относиться ко мне. Сказала бы, даже с подобострастием, особенно когда денег просят на новый проект или на раскрутку чего-нибудь... Лебезят порой так, что тошно становится...

Конечно, жизненный комфорт я себе обеспечила – есть и квартира в центре Москвы, и какая-никакая усадьба в Подмосковье – дом отличный, отреставрирован по всем правилам, охрана, прислуга, пара постоянных поклонников...

И что? Одной век доживать в своих хоромашках? Вдруг однажды прихватит, станет, к примеру, плохо с сердцем?.. У той генеральши хоть свой генерал, пусть всего лишь на пасеке... И тут же обрываю нелепый ход мыслей: да что ж ты запричитала сама над собой?! Подумаешь, прихватит – можно охрану вызвать, а те уж сообразят, как в скорую позвонить... А вдруг я разорюсь? И тогда... Вот тогда-то уже никого не вызовешь... Друзей?..

Интересно, кто меня схоронит? Что скажут на моей могиле? Кто взаправду плакать будет? Могу я кого-нибудь назвать, кто меня действительно любит? Меня – персону, человека, женщину, наконец.

Ой, стоп, не лезь, куда не надо. Двери моего сердца закрыты, а ключ поκειται Бог весть в какой пропасти, так что душу беречь не будем.

Может, мне новый проект начать? Скажем, дом престарелых для одиноких «старых новых русских». Пансионат... Или нет – санаторий... По-современному

оборудовать, чтоб там было всё, даже поля для гольфа, интернет, библиотека, хорошие врачи, внимательные их помощники. И вот вечерами, за чаем, станут там собираться старички и старушки и начнут байки рассказывать о своих былых успехах, о бизнесе, контрактах, о встречах с великими. Этакие львы и львицы, бывшие красавицы и красавчики, или волки-одиночки, сбившиеся в случайную стаю. Но, наверное, о многом и говорить не будут. Побоятся. Как и сейчас, например, не каждый олигарх раскроет, откуда ноги растут в его бизнесе.

Конечно, есть те, которые успели отпрысками обзавестись. Девчонок на балы выводят, чтоб себе пару присмотрели, мальчишек в Оксфорд отправляют.

Знакомый у меня есть, его сын как-то спросил отца, каким образом он свои капиталы разделит между ним и дочерью. Глава семьи смутился поначалу, а потом обрезал сына: «Я еще не умер, рано делить наследство», но с адвокатом вскоре обговорил все детали...

Вообще-то идея о доме престарелых для новых русских хорошая, надо подумать.

Наследство моё кому достанется? Завещание переписать надо, сесть и ещё раз решить, кому и что... Как приеду, сразу же этим и займусь.

Невесёлые мои размышления были прерваны трелью мобильного. Увидев, что это номер моей секретарши, я отключила телефон. «Да отвяжитесь вы все!» – негодующая мысль обозлила и пронзила всё существо, словно молния. И впрямь надоели все, обнаглели совершенно. Может, я сплю, время позднее. Да, сама приучила за эти годы и партнёров, и сотрудников, что я – в любой момент на связи. Надо – не надо, из-за любой чепухи с постели и в четыре утра поднимут. Каждый день как на войне.

Хотя, справедливости ради, надо признать – Машенька, моя секретарша, девочка умная, трудолюбивая, всё помнит, обо всём вовремя доложит. Друг у неё – молодой талантливый художник. Уговорила меня спонсировать его персональную выставку, а то, говорит, он совсем изведёт себя на Старом Арбате, где картины продавал, чтобы как-то прожить. Может, эта выставка ему и поможет...

А раньше... Художникам совсем солоно приходилось: на тротуаре свои картины не выставишь, в частные галереи не предложишь. Добраться до членства в Союзе художников было ой как непросто! Так что Дашенькиному Зевсу-Белоцерковскому ещё крупно повезло в жизни...

А по молодости и я дружила с художниками. Ох, было, было... Авангардисты из группы «Зелёный поезд»... Даже не знаю, где они сейчас, чем занимаются. Помню, картины у них покупала, чтоб их поддерживать. Одна картина как-то вечером меня просто напугала. На ней – мужчина и женщина, в полный рост, обнажённые, держатся за руки. И вот при заходящем солнце лучи пали на середину картины так, что я увидела еле заметный образ смерти между влюблёнными, и мне стало страшно от угаданной безысходности.

На другой же день я пошла и попросила художника переписать картину или, на худой конец, забрать её обратно. Не хотелось мне спать в квартире с такой тройкой. Парень мне тогда ответил, что на полотне изображена жизненная правда, а я ничегошеньки не понимаю, и мои воззрения – полный идеализм, сравнимый с абсурдными попытками уговаривать проститутку пойти учиться на повара. С тем я и выскочила из его квартиры, хлопнув дверью изо всех сил...

А этот безумный художник из Алма-Аты кое-что мне напоминает, однако... В застарелых потёмках памяти шевельнулось нечто и бросило в краску, даже обожгло. Щеки запылали. Чего только по молодости я не творила?! Ну, конечно же, мой скоротечный роман с коллекционером, у которого... Точно! Он ещё

предлагал мне купить картины художника-декоратора оперного театра из Алма-Аты. У него их было несколько. Народ на метро по полтора часа мотался по Москве, чтоб посмотреть на эти полотна в до предела забитой старой московской квартире молодого коллекционера, где мы праздновали вдвоём его день рождения...

Господи, как же я могла забыть!

С невероятной быстротой я набирала телефон Маши, теперь только я сообразила, зачем она пыталась меня найти. К моему облегчению, Маша сразу же взяла трубку.

– Машенька, извини за беспокойство, в Москве уже глухая полночь, а я звоню...

– Что вы, Лидия Сергеевна, я вас сама пыталась найти. Где вы? Что случилось? – затараторила секретарша.

– Маша, самолёт наш задержали...

– Может, чартером полетите?

– Ну, какой же чартер, погода нелётная.

– Я сейчас же созвонюсь с Андреем Петровичем, чтобы вас в гостиницу определил и к самолёту обратно подвёз...

– Нет, не хочу никого напрягать.

– Лидия Сергеевна, вы ведь измотаетесь.

– Ничего со мной не случится, я даже в ВИП не пошла – там столпотворение. Мы с Жорой в общем зале. Не волнуйся, всё в порядке. Жорик за мной присмотрит. Телохранитель он или нет? Вот пусть и хранит моё драгоценное тело. Шутка!

– Но...

– Маша, что там с подготовкой к моему юбилею?

– Всё под контролем и...

– Машенька, знаете что, давайте поменяем декорации. Вместо квартиры устроим приём гостей в загородном доме, в усадьбе.

Говоря в трубку, я поспешно встала и, показывая жестами соседке и выразительным взглядом моему телохранителю Жоре, мол, я скоро вернусь, а им пока придётся присмотреть за моим местом и чемоданчиком, на что та ответила кивком, а Жора в удивлении поднял брови, я двинулась в сторону выхода. На улице, закурив сигарету, продолжала:

– Да, форма одежды вечерняя и... записывайте. В меню обязательно сёмга, икра чёрная, красная, брюшеты, Катерина сделает их, как я люблю, а не просто горячие бутерброды; шашлыки в этот раз Фёдор пусть маринует в молоке и обязательно приготовит свежий гранатовый сок, к шашлыку он лучше, чем укус; не забудь моё любимое, дешёвое калифорнийское вино White Zinfandel, и итальянских вин в этот раз не надо, пусть будут французские, дорогие, не забудьте коньяк купить, «Луи XIII». По-моему, моего вина осталось всего пару бутылок в холодильнике у барной стойки, там и найдёте, и хорошо бы позвонить Джону в Калифорнию, чтобы ещё кейс вина прислал. Кстати, созвонитесь с Колесниковым, он новый квартет собрал, говорил, что талантливые ребята, пригласите их и Женечку Шумилову, мне нравится, как она поёт. Конечно, без предварительной договорённости, Машенька, может, и не удастся их затащить, но кто знает, а вдруг получится. Оплата как всегда, и сверху добавим. Да, да... И ещё Светочке придётся пораньше приехать, чтоб причёску мне сделать, а то у меня получится с корабля на бал...

На том конце трубки однообразное: да, да, так, так...

– Машенька, надеюсь, справитесь, и пожалуйста, приведите, наконец, своего художника, надо же и мне с ним познакомиться, правда? Спасибо, дорогая, и спокойной ночи.

Закончив разговор и засунув мобильник в сумочку, я тут же придумала, какое платье надену. Хочу выглядеть отлично! – решила я, – и, значит, буду!

Неожиданно поняла, как бы наблюдая за собой со стороны: в подтянутой, преуспевающей женщине в роскошном пальто, с ухоженными руками и маникюром, вряд ли кто узнает девочку из коммуналки, жившую недалеко от станции метро «Водный Стадион». Долгожданную дочку двух геологов, вернувшихся в Москву с Севера, которая аккуратно носила школьную форму и занималась плаванием...

Отец с матерью жили хорошо, никогда не ругались, мама бывала недовольна отцом только когда он уходил играть в карты. Иногда он мог вернуться в одних семейных трусах и непонятно чьих башмаках, перед рассветом, посиневший от холода, а порой с полной наволочкой денег, и тогда при свете ночника раскладывал их по купюрам в аккуратные пачечки и перевязывал суровыми нитками. Стараясь не уснуть, я считала вместе с папой: «десять... шм... шм... шм... двадцать... шм... шм... шм... сорок два... шм... шм... шм... семьдесят пять... Шм... шм... тысяча рублей!» Этот возглас отца означал: долой мою раскладушку, у меня появится кровать (до очередного проигрыша), и в воскресенье мы всей семьёй пойдём в Центральный парк имени Горького.

Мама же боялась, вдруг отца когда-нибудь посадят в тюрьму за азартные игры или, что всегда меня пугало, он проиграет нас с мамой какому-нибудь катале (так называли тех, кто катался по всему Союзу и играл в карты, то есть профессиональных шулеров).

А может быть, я и что-то путаю, это было так давно. Но отец не поддавался на её увещания... Он меня обожал, в свободное время рассказывал разные истории из жизни на реке Маме, о своих геологических экспедициях. Он знал много стихов, любил Есенина, хорошо играл на гитаре и пел глубоким баритонным так, что сердце захватывало. Он скучал по Северу и царящей там простоте взаимоотношений. На Севере всё было ясно, люди быстро определяли: свой ты или чужой. У отца было три друга, которые, приезжая в Москву, шумно врывались в нашу обитель, сбрасывали огромные рюкзаки и с гоголом начинали бороться с отцом, вытаскивали гостинцы для меня: кедровые шишки, необыкновенные кристаллы, странные куски пород, сушёную клюкву... Накрывался стол, и рассказы лились рекой. Мать хлопотала вокруг четырёх закадычных друзей.

Моя мама хранила покой и любовь в доме, учила со мной уроки, плакала вместе со мной над первой моей несчастной любовью, пекла потрясающие пироги с сазаном. Мама... Она учила меня быть сильной...

Родителей моих уже давно нет. Слезы навернулись на глаза... Я еле сдержала рыдания. Осталась одна, из родни – только дальние родственники, больше никого.

Встряхнув головой, я резко затушила очередную сигарету и вернулась обратно в зал ожидания. «Конечно, через несколько часов я, наверное, устану, буду ругать себя за то, что отказалась от гостиницы. Ну да ладно! Интересно, как выглядит Машин художник?» – подумала я и, усевшись в кресло, взяла книгу в руки: «Скорей всего, придёт в смокинге... Впрочем, может, он свободный художник и одевается как ему заблагорассудится... Об Алма-Атинском творце, упомянутом в дневниковых записях Даши, говорили, что он сам себе шил расклешённые штаны с цепочками и пуговицами, носил длинные волосы ниже плеч, был талантлив и непредсказуем...»

Боже ж ты мой! Сколько собственных воспоминаний навеяли дневниковые записи какой-то Даши, которую я и в глаза не видела. Неужели так и получится, что, читая её заметки, я вспашу твердьни своей памяти, запараллелю происходившее со мной с её жизненными коллизиями. А зачем мне это?

Может, и не читать вовсе, и книжку не вытаскивать? Но... рука сама потянулась в сумку за коленкоровым переплётом.

Ладно, почитаем, что же там дальше происходит, записи меня по-настоящему интриговали, я нутром чувствовала – они задевают какие-то глубины моего существа и чувства, давно забытые и схороненные в сумерках прошлого.

Дашиной рукой писанные строчки продолжали нежно и витиевато струиться между строк...

Больше всего я любила воскресенья, очевидно потому, что утром можно было поспать чуть-чуть подольше, и знать – к обеду будут свежееиспечённые пирожки, квашню для которых бабушка ставила с вечера и колдовала над ней, не давала на неё никому дохнуть, и сама с тестом всегда шёпотом разговаривала. Весной – были обязательно пироги с зелёным луком и яйцом, со свежим цавелем борщи, а зимой – пирожки с печёнкой или мясом, иногда с капустой...

Но если мама и бабушка договаривались напечь пироги с рыбой, это означало, что приближаются праздники или чей-то день рождения, и тогда будет ещё и знаменитый мамин медовый торт с грецкими орехами. Леночка, моя старшая сестра, и я заранее станем колоть орехи и выковыривать до последней крохотной дольки, а потом делать разные фигурки от черепах до жирафов, пластилином прикрепляя к скорлупкам спички и пробки от бутылок.

Сестра была старше меня на семь лет и считала себя большой, только иногда она играла со мной или читала сказки. Она была круглая отличница и хотела закончить школу с золотой медалью. У неё была длинная толстая коса, слегка раскосые папины голубые глаза и длинные ресницы.

Я больше походила на маму, переняв её карие глаза и румянец, который терпеть не могла. Я всегда вспыхивала, буквально рдела – от радости, восхищения, смущения или от злости, щеки краснели, когда хотели, и мне иногда казалось, что они существовали сами по себе, по своим собственным законам, и, в принципе, моё эмоциональное состояние не имело для них никакого значения. Уже это одно придавало моей жизни нотку скрытой грусти, но у меня ещё были и веснушки... Ребята из нашего двора с самого детства обзывали меня конопатой. Волосы у меня были кудрявые, как у папы, но тёмные, с медным отливом. Всё моё семейство проживало на восемнадцати квадратных метрах в питерской коммуналке на двадцать семей. Нас там было много, и все были разные: старые и молодые, больные и здоровуице, семейные, одинокие и с детьми. Папа прозвал наше пёстрое сообщество – Олимпом.

Глава вторая

ОБИТАТЕЛИ ОЛИМПА

Вспоминая о детстве, только сейчас понимаю, как в те далёкие времена всё было для меня просто и ясно. Меня все любили, прощали мелкие шалости, я неслась навстречу юности в счастливом вихре по коридору нашей коммуналки, размахивая портфелем или авоськой с нехитрыми продуктами, здороваясь и прощаясь с соседями, шушукаясь с ребятами.

Тогда я точно знала, что наша квартира номер четыре – лучшие всех. Даже странно, но каждый обитатель во всех двадцати комнатах так же уважительно называл свою скромную жилплощадь квартирой!

В нашей не висели, как в других, длинные шторы, разделявшие комнаты на две половины. У нас были декорации, сделанные моим отцом и отделявшие угол каждого члена семейства. Наш сосед дядя Веня, живший в третьей

квартире, зайдя, бывало, к нам, рассматривал «интерьер» и, цокая языком, говорил: «Ну, театр, да и только!»

Он был щуплый, небольшого роста человек, всегда хлопочущий спозаранку, бывший фронтовик, одинокий старик, у которого все родные погибли в блокаду. Дядя Веня любил поговорить в коридоре с моей бабулей о житейских проблемах и о своём ревматизме. Иногда я слышала отдельные реплики из их разговора, пробегая по коридору, и до меня доносились странные слова: «Сизифов труд»...

Эти слова у меня всегда ассоциировались со стиркой, которая никогда не заканчивалась у жильцов коммуналки. С утра до вечера какая-нибудь квартира «стирала». У дверей в комнате тех, кто был побогаче, стояли стиральные машины, а кто не мог себе позволить такую роскошь, обходились оцинкованными корытами или тазиками.

К примеру, тот же дядя Веня таскался с ведрами воды туда и обратно из кухни или ванной, если она не была занята, что случалось очень редко, потому как расписание по использованию ванной комнаты было расчерчено по часам и минутам и приколото канцелярскими кнопками к двери.

Его оцинкованное корыто было особо притягательно для всех ребят-шек. Каждый из нас, проходя мимо висящего чуда двадцатого века, считал своим долгом стукнуть в него или, пробегая и высоко подпрыгнув, старался дотянуться кончиками пальцев до верхушки гениального изобретения человечества.

Дядя Веня обычно выскакивал из двери и прикрикивал на нас, хоть и без злобы, и прибывал чуть выше гвоздь, на котором от щелчков громыхало корыто, но упускал из виду, что мы, дети, тоже росли, и, в конце концов, не будешь же ты пристраивать это проклятое корыто под самый потолок. Так что однажды, когда мы и вовсе выросли, дядя Веня приобрёл собственную стиралку.

Все знали, что у дяди Вени есть любовница, но он представлял её как свою приятельницу, которая так же, как и он, любит вязать и приходит к нему за консультациями и новыми узорами вязания. И вправду, вдобавок ко всем его причудам сосед вязал на продажу свитера и кофты, а иногда крючком – огромные скатерти. Одну он подарил моей бабушке, и мы её стелили на стол по большим праздникам, а тёплый с узорами свитер достался нашей соседке тёте Дине из второй квартиры.

Дина Андриановна была охотоведом и жила дома только несколько зимних месяцев, остальное время проводила в тайге, изучая зверей – писала диссертацию. Исчезала как-то незаметно, а потом внезапно появлялась со своим рюкзачком и любимой собакой Джеком. Джек был чистопородной лайкой, умный пёс и очень сильный. Мама говорила, что однажды он Дину Андриановну спас от волков. Я любила заходить в её комнату и рассматривать чучела разных зверушек. Больше всего мне нравилось чучело белочки, сидящей на толстой ветке.

Тётя Дина могла подолгу рассказывать о могуществе и тайнах тайги; о том, как разжечь огонь под дождём и прокормиться кореньями и ягодами; о разных зверях, их повадках, о диких лечебных травах и своих одиноких походах к дальним охотничьим сторожкам. Она знала всё о миграции животных на своих квадратных километрах, и не только это – она спасала раненых зверей, а некоторым из них даже давала имена. Семейство лосей у неё было самое любимое, она их подкармливала и сочиняла о них маленькие рассказы, поэтому, когда она возвращалась из тайги, я всегда её спрашивала о новостях в лосином семействе. Отец мой называл Дину не иначе, как Артемиду.

* * *

Артемиды... Замечаю, что, читая записи Даши, я постоянно заглядываю в оглавление книги... «Артемиды заботится обо всём на свете, что живёт на земле, растёт в лесу и в поле. Заботилась она о людях, о стадах домашнего скота, о диких зверях... вызывала рост трав, цветов и деревьев. Прекрасная, как ясный день, с луком и колчаном за плечами, с копьём в руках, весело охотится Артемиды...»

У Дины Андриановны было настоящее ружье и патронташ, набитый патронами, однако она никогда не давала на них посмотреть. Её все уважали и знали, – она с охотниками даже на медведя ходила, хотя мама говорила, что не женское это занятие – быть охотоведом и в тридцать семь лет не иметь семьи и детей, и жить месяцами в тайге тоже не годится.

Тётя Дина дружила с Люсей из первой квартиры и бабой Маней из седьмой. С тётей Люсей они были одногодки и любительницы овощного рагу с сушёными грибами, а баба Маня со своим внуком Генкой просто-таки жили её рассказами, потому что Манины дети работали где-то далеко на Севере и редко появлялись в Питере, только денежные почтовые переводы посылали регулярно. Об их житье-бытье в холодных краях она особо не знала. Бабманя, как и я, была внимательной слушательницей Дианы-охотницы.

У тёти Люси был сын Гарик. Он и Генка заканчивали школу и заглядывались на мою старшую сестру, иногда они приглашали её в кино, и в такие моменты мой папа всегда звал Ленку и, подходя к ней, шёпотом говорил: «Ваши нарциссирующие Аполлоны ждут Вас, сударыня», чем приводил мою сестру в полное негодование, и она, нервно дёрнув плечиками и надув губки, выходила к ребятам. Я всегда недоумевала, как это возможно человеку «нарцис-си-ро-вать», и ещё долгое время, глядя на цветы-нарциссы, слышала папину фразу...

С жильцами пятой квартиры связано познание первой скорби. В этой квартире жил бригадир монтажников-высотников Пётр Алексеевич Жуков с женой Галей и двумя детьми – Сашей и Ритой. Сашка и Рита часто играли со мной, и мы считались закадычными друзьями.

Но однажды, когда мы забавлялись с Сашкиными оловянными солдатиками в коридоре, у стенки между нашими квартирами, раздался телефонный звонок. В те времена телефон был один на всю коммуналку, и Изольда Вениаминовна из двадцатой квартиры, по обыкновению, подошла на звонок первой, ответила, потом, слегка охнув и бросив трубку, рванулась к нам и, почему-то резко прижав к себе Сашку, кинулась в комнату к Жуковым.

Через какое-то время по всей коммуналке пронёсся душераздирающий крик, вопли и стенания матери моих друзей. В испуге дети бросились в комнату... Я осталась с солдатиками в полной растерянности, не зная, что делать. Захлопали двери, все, кто был дома, повскакивали, включая мою бабушку, и, взволнованно спрашивая, что случилось, постепенно заполнили квартиру Жуковых. И тут меня осенило – произошло нечто страшное...

Спустя какое-то время Изольда, выходя из комнаты, тихо сказала: «Пётр Алексеевич разбился насмерть, вот ведь несчастье какое, дети сиротами остались...»

Я заплакала. В воображении возник образ Икара.

* * *

Спешно листаю книжку, разыскивая страницу с главой о Дедале и Икаре. «Сильно взмахнув крыльями, взлетел Икар высоко в небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск... Стремглав упал он со страшной

высоты... и погиб...» Сердце колотилось, в висках стучало. Вот оно как! – никогда не знаешь, что произойдет в следующий момент жизни...

Вернулась на прежнюю страничку. Даша продолжала...

Уложив солдатиков в коробку, я тихонько юркнула к себе в комнату.

Вечер прошёл незаметно. Все были напряжены и молчаливы. Мой диванчик стоял у стены, за которой находилась квартира Жуковых. Я легла спать, но не могла уснуть. Лёжа с открытыми глазами, ощутила, как стена будто накалена горем и вибрирует от рыданий. В кажущейся тишине ночи стена жила своей жуткой жизнью. Казалось, она была прозрачной и через нее можно было прочувствовать всё горе осиротевшей семьи. Передо мною мелькали видения, переплетались образы – высокий, смеющийся мужчина, конфеты на его мозолистой руке, прыгающие от радости дети и...

Я проснулась, лёжа на полу, закутанная в одеяло, под головой бабушкина шаль. Отец стоял на коленях и тряс меня за плечо. Встретившись взглядом с его глазами, внезапно вскрикнула:

– Папочка, я тебя так люблю! Сильно-сильно, крепко-крепко! – протягивая к нему руки и заливаясь слезами, лепетала я...

– Доченька, я тебя тоже люблю, – отвечал отец, беря меня на руки как ребёнка и, качая, целовал мои волосы, прижимая к себе изо всех сил...

– Папочка, я не знаю, как это – умирать, я не знаю, как я буду умирать. Это страшно, очень страшно! – уткнувшись в его грудь, я еле выговаривала слова, тонущие в рыданиях.

– Душенька моя, тебе ещё рано о таком думать. У тебя вся жизнь впереди, а к старости умирать не страшно, каждому свой час, это естественно, это закон жизни. Мы... мы все когда-нибудь уйдем...

– Ага, тебе просто говорить, а если я попаду в царство Аида, там будет так ужасно... и... я читала, что...

* * *

«Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в печальное царство Аида... носятся бесплотные лёгкие тени умерших. Они сетуют на свою безрадостную жизнь без света и желаний. Тихо раздаются их стоны... Нет никому возврата из этого царства печали», – утверждала моя книга, и, кто знает, так ли это, – из царства теней ещё никто не возвращался.

– Даша, человек сам, своими делами выбирает в жизни, где ему очутиться: в аду или в раю. Будешь жить правильно – не будет страха перед смертью. Повзрослеешь и поймёшь... А сейчас тебе надо успокоиться. Знаешь, жизнь не останавливается, да её и останавливать не надо, даже великой скорбью течение жизни не оборвёшь. Всё пройдёт, а солнышко будет вставать каждое утро и заходить вечером... И туманы с дождями будут обволакивать улицы, а весной станут благоухать акации...

Отец говорил, говорил, и постепенно я пришла в себя. Вытянув носовой платок из кармана, он вытирал мои слёзы...

На похороны собралось столько народа! Люди шли и шли прощаться с Петром Алексеевичем, женщины шебурились на кухне, готовя нужное для поминок... В коммуналке витал запах валерианки и корвалола. Чёрный цвет окутал людей с головы до пят, и слёзы, сверкавшие на всех лицах, подчёркивали трагедию ухода человека в расцвете лет... А у нас, жильцов коммунальной квартиры, образовалась пустота, которая никогда не заполнится: туда, в эту глухую пустоту, ушёл дядя Петя.

Но жизнь, тем не менее, продолжалась. Надсадно, с тягучей медлительностью, ежедневная суэта входила в обычный ритм. Спустя два месяца опять слышался детский смех и перебранки между соседями.

Как фейерверк на тёмном небе, появились родственники Ваню Георгадзе из Тбилиси. Георгадзе жили в 19 квартире, у них было два сына. С приездом гостей началось настоящее столпотворение. В первый же вечер все жильцы были приглашены к застолью, двери распахнуты, весь скарб отодвинут к стенам, несколько столов поставлены в ряд.

...Шум, смех, радость, казалось, не закончатся до утра. Грузинские песни приводили всех в полный восторг, но сыновья Ваню всё равно сумели удивить: они лихо плясали грузинские танцы с кинжалами в зубах. Детям перепала уйма необыкновенных сладостей.

В тот момент никто из нас не знал, что через полгода семья Георгадзе эмигрирует в Америку, и в последние недели их жизни в нашей коммуналке с ними никто не станет разговаривать, жильцы будут обходить их стороной, в страхе – не накликают бы беды на свои головы. Только в день отъезда дядя Ваню зашёл к моему отцу и оставил свой новый адрес, попросил прощения за всё, что сделал не так, обнялся с ним и уехал...

В моём тогдашнем окружении всё было очень определённо. Если кто-то заболел, то для начала бежали в 18 квартиру к Раисе Петуховой, которая работала медсестрой в психиатрической больнице. «Наш Эскулап», – так прозвал её отец.

* * *

«По-моему, бога Асклепия называли Эскулапом», подумала я и прочитала: «...Асклепий – бог врачей и врачебного искусства,.. не только исцелял болезни, но и умерших возвращал к жизни»... А некая Петухова, работавшая в психиатрической больнице, была, по определению Белоцерковского, Эскулапом?! В принципе, на Олимпе питерской коммуналки это было вполне возможным...

Раиса Владимировна всегда могла присоветовать что-либо полезное и даже дать кой-какие лекарства, её диагнозы были на удивление правильными, так что соседи порой даже и врачей не вызывали, шли к докторам или звонили в скорую помощь только по крайней необходимости. Даже профессор Говоров, страдающий астмой, доверял её советам более, нежели докторам. И если у него начинался приступ, то сначала звали Раису...

Говоров, надо сказать, был большим специалистом в палеонтологии и вместе с тем очень добрым человеком. Его квартира от пола до потолка была заставлена книжными полками. Он помог мне быстро разобраться со всеми мезозоями, динозаврами и теорией Дарвина, которую я никак не хотела принять всерьёз. С ним можно было говорить откровенно и, кстати, он мне однажды сказал, что и сам скептически относится к дарвинизму. Пожалуй, именно Говоров научил меня брать всё под сомнение и не доверять даже очевидным фактам до тех пор, пока я самолично не находила им подтверждения

Когда у меня не получались задачки по математике, то можно было постучаться в квартиру тётки Поли – она была учительницей математики в средней школе – и попросить её помочь с объяснением о «поездах из пункта А в пункт Б». Полина Дмитриевна с юмором и на спичечных коробках могла показать решение любой трудной задачи. Иногда я думаю, что её юмор и умение играть с цифрами как с любимыми игрушками повлияли на математические способности, которые обнаружились у меня позднее.

Женщины коммуналки шили себе платья у сестёр Кирилловых, проживавших в пятнадцатой квартире. Отец звал их Мойрами, потому как старушки не только портняжились, но ещё и гадали на картах.

Мама продумывала свои фасоны очень тщательно и иногда брала меня с собой на примерки. Пока английские булавки вкалывались в ткань очередного маминого платья или юбки, можно было узнать обо всех новостях нашей коммуны. Частенько старушки судачили о военном из шестнадцатой, что жил один.

На кухню этот офицер не выходил, ни с кем не общался, на вид был суров, подтянут. Никто точно не знал, в каком он ведомстве служит.

Таинственная жилища из двенадцатой также являлась предметом любопытства. Каким-то образом Кирилловы разузнали, что «дама» приходила только в дни оплаты за квартиру и снимала тщательно показания счётчика. Она глухо здоровалась и уходила.

Старушки предполагали: у неё есть ещё квартира, где та проживает, а эту держит на всякий случай. У них появилась великодушнейшая идея отобрать квартиру у «дамы», чтоб расширить жилплощадь для Раечки Петуховой, маявшейся с тремя детьми и мужем в крохотной комнате. Но дальше разговоров старушки не шли, да и когда бы им было этим заниматься: с утра до вечера к ним ходила клиентура с отрезами и журналами мод. С упоением они шили пелёнки, распашонки и чепчики для младенца, недавно родившегося в семье молодожёнов Ивановых из семнадцатой квартиры.

Я больше знала о тех, кто жил по нашу сторону коридора и совсем мало о тех, кто в квартирах напротив. Мои родители почти не общались с Кулигиными из 10-й и Сеньором-Помидором, толстым бухгалтером какого-то домоуправления из 11-й. Только здоровались с молодым аспирантом Егор Борисовичем из 13-й и уж просто терпеть не могли Дядю Васю-пьяницу из 14-й, который периодически бил свою жену Клаву.

Отец уважал Юрия Николаевича из 6-й квартиры, и хотя тот был несколько моложе, папа всегда говорил: «Этому человеку досталось с самого детства». В начале блокады Ленинграда Юру с сестрой и матерью должны были эвакуировать на самолёте, но на пути к трапу толпа оттолкнула детей, а мать не смогла выбраться из гущи напирających людей... Дети плакали и звали мать.

Увы, она улетела, а их, с нагруженными заплечными мешками, кто-то из военных отвёл с аэродрома в детприёмник, и оттуда они попали в детский дом. Но не прошло и недели, как Юра сбежал и попал юнгой на Балтийский флот. Моряки отстояли его у начальства, и он всю войну служил в морфлоте. После войны он нашёл сестру и мать. Отец погиб где-то под Сталинградом.

Дядя Юра никогда не говорил о матери, больше рассказывал про сестру. Он был седой, с молодежавым лицом, редко смеялся и постоянно что-то мастерил: то галеру из спичек соорудит, то перочинным ножиком выстругает из ветки дерева птицу, а иногда из обычной газетной страницы сделает букет маленьких розочек.

* * *

Я оторвалась от книги... Если очень хорошо подумать, то в принципе у каждого из нас есть свой Олимп, со всеми его персонажами. К примеру, у меня ведь тоже есть Зевс – мой министр и его жена. Я знаю всех любовниц министра, с очередной каждый раз поддерживаю милейшие отношения, но с министерской женой, то бишь Герой, предпочитаю иметь взаимоотношения сверхсердечные. Для меня 8 Марта, её день рождения, можно сказать, «святой день». Она ждёт моих подарков, и они ей всегда нравятся, потому что я выбираю их с особым значением.

Иногда мы встречаемся на разных акциях или в театре и ведём милые, ничего не значащие беседы. В общем-то, мне её иногда жалко, но она цепко оберегает свой статус и не обращает внимания на очередных пупсиков министра.

А если распространить идею Олимпа на всю страну – получится этакая большая матрёшка из небесных обитателей. Словом – «Олимпийская». У каждого есть свой сонм богов и богинь, от которых никуда не деться...

Незыблемость устоев порой отражается на отсутствии оригинального подхода. Ну просто фраза из учебника, а не моя собственная мысль. Короче говоря, прихожу к выводу, что все мы человеки-боги, боги-человеки, и у нас у каждого есть миссия и своя Одиссея. По-моему, греческие божества мытарились по жизни, со всеми её неприятностями и счастливыми развязками, как самые простые люди. Внимательно прочитаешь о Зевсе – не такой уж он праведный. Имел не одну жену, кучу детей. И всех пристраивал, помогал, кого-то наказывал – всё как у людей и во все времена.

А если пристально приглядеться, таких мужчин-Зевсов полно. Хотя бывают и другие: и любвеобильные, и с чувством ответственности, но это уже из области эксклюзивного...

Встречала я одного: он четыре раза женился, разводился и всем своим бывшим жёнам помогает до сих пор. Они его обожают, с хлебом-солью встречают, в гости зазывают и, конечно, денег просят. Благо он богатый, так они его и пасут усердно, а уж о его любовницах и вовсе говорить не приходится. Он их на жизнь праведную наставляет, в институты пристраивает. Иногда, правда, руки распускает, чтоб знали, кто в доме хозяин, но они – ничего, терпят, источник денег – дорогого стоит, не дай Бог иссякнет.

А, может, догадываются... Он таким бизнесом занимается, что ни дня, ни ночи не видит, по краю лезвия ходит каждый час...

Однако записи Даши закончились. Я перелистывала страницы и уже начала волноваться. Может быть, она расхотела писать о своём прошлом? И я никогда не узнаю, что с ней произошло дальше. Больше десяти страниц перевернуто и... ничего.

Вдруг замечаю, я мысленно начинаю говорить с Дашей, прошу её, чтобы она не прекратила писать:

– Даша, но где же продолжение, – сердцем обращаюсь к незнакомке, – мне интересно знать о твоей жизни, ну что же ты...

На одно мгновение возник образ задумавшейся девушки, сидящей в свете ночной лампы и покусывающей кончик ручки. С младенческих лет эта дурацкая привычка преследует и меня – никак не могу себя отучить. И... дневники тоже веду регулярно со школьных лет. Забавно ведь по прошествии лет почитать о том, что думала и переживала в далекую пору...

А, вот и её записи – даже от души отлегло... Продолжение нашла в главе о Пандоре.

«Любопытная Пандора тайно сняла с сосуда крышку и разлетелась по всей земле те бедствия, которые были некогда в нём заключены. Только одна Надежда осталась на дне громадного сосуда».

А между строками...

Шли годы. Учёба в школе давалась мне легко. С некоторых пор я заметила, что люблю оставаться в одиночестве с книжкой в руках. Отец подшучивал надо мной, называл «затворницей», «отшельницей». Запомнился жаркий спор об отшельничестве как-то за вечерним чаем, в котором участвовала вся семья. Говорили о Боге, о молитве, но в душу запали слова, прочитанные отцом из старой книги, написанной по-старославянски, где Авва Филимон объяснял: «...без совершенного уединения невозможно угодить Богу,

...безмолвие рождает подвиг, а подвиг – плач, плач – страх, страх – смирение, смирение – прозрение, прозрение – любовь, любовь же делает душу здоровую и бесстрастную, и тогда человек познаёт, что он недалёк от Бога. Итак, надлежит тебе совсем удалиться от мира и, отторгнув душу от всякого сострастия телу, стать безградным, бездомным, бессобственником, бессребреником, бесхлопотником, невеждою в делах человеческих, смиренным, сострадательным, благим, кротким, готовым принять от Божественного ведения вразумительные напечатления в сердце»...

Фразы проникновенно слетали с губ отца, а сердце моё вдруг заныло, и будто что-то в нём болезненно запекло.

Но неуёмное желание жить, смеяться с подружками, бедокурить и вдыхать аромат цветущих акаций – это желание возобладало, таков былнутренний и необъяснимый протест молоденькой девушки, перекрывший таинственную и внезапную сердечную боль.

Я не хотела быть бездомной, смиренной и благой. Мне нужна была страсть полнокровной жизни.

В тот вечер, не дождавшись окончания семейных дискуссий, я ушла в свой уголок и долго не могла уснуть. Мысли роились и сплетались в вопросы: «Кто я? Зачем я здесь? Почему?» В тёмных лабиринтах сознания я тщетно пыталась найти ответы.

Моё тело металось и горело в странном томлении, как бы в преддверии неминуемого греха, да нет же – любви!

Однажды утром, глядя на себя в зеркало, вместо «Дашеньки-деточки» я увидела взрослую симпатичную девушку. Я выросла! От осознания взрослости я сама себе лукаво улыбнулась, и с этого момента, пожалуй, вся моя жизнь переменилась.

Шли выпускные экзамены, но я попутно успевала ездить на тренировки по фигурному катанию, – уже тогда я была мастером спорта, и множество наград и кубков стояли рядком на специальной полке, сделанной для меня отцом.

Как-то после математики, запыхавшись, я неслась на тренировку, и вдруг столкнулась с молодым человеком. Он резко развернулся и... всё! Я влюбилась. Моё сердце поняло – это моя судьба! Мы познакомились. Его звали Лёша Кириллов, он занимался боксом...

Я ждала его звонков, я бежала на свидания, смотрела фильмы вместе с ним, а потом, конечно же, не могла рассказать сюжета киноленты. Мы поступали в один и тот же институт, только на разные факультеты. Оба прошли, от радости хлопали в ладоши, ведь нас приняли, и мы будем учиться вместе! В то время казалось – моему счастью не будет конца...

Этим же летом старшая сестра наконец-то вышла замуж, и глубоко в душе я тоже ждала, когда Алёша предложит мне руку и сердце. Однако время шло, мы встречались, переходили с курса на курс, сдавали экзамены, бегали в кино и театры... Вёсны сменялись зимами, а о будущем разговора не было, во всяком случае, от намёков было уже неловко, в сердце вползало разочарование. Хотя нет, – неправда, надежда всё-таки оставалась.

* * *

Я прервала чтение дневника. В мыслях – сумбур: Пандора, изречения об отшельничестве из запрещённой в советские времена церковной книги, первая любовь Даши... Вернулась назад и прочитала ещё раз: «...безмолвие рождает подвиг, а подвиг – плач, плач – страх, страх – смирение, смирение – прозрение, прозрение – любовь».

Слова жгли, казалось, на коже – мурашки.

Подвиг обычно ассоциируется с войной или революцией, так, по крайней мере, вдалбливали в наши головы. Но ведь здесь смысл совсем иной: подвиг и... плач, страх и... прозрение... Господи, как же разобраться в сложностях этой жизни!

С Пандорой и первой любовью попроще...

У меня тоже был мой собственный ящик Пандоры. По сю пору разгадываю сокрытые в нём «откровения». Впрочем, у каждого свой заветный ящичек. Приподнимаешь крышку – и находишь спутанные узлом неприятности, и начинаешь разгребать, развязывать, чистить...

Мой ящик... хм... скорее, шкатулочка, возможно, не так и ужасен. Но и моя Мойра нашла немало узелков в судьбе, и ещё неизвестно, что ожидает меня в будущем.

Я, конечно, не Даша, фигурным катанием не увлекалась, хотя в моём детстве это было очень модно. Нет, я занималась прыжками в воду, добралась до кандидата в мастера спорта и с успехом поступила в физкультурный институт. В его стенах я познакомилась со многими спортсменами мирового класса, но общалась в основном с ребятами-боксёрами, дзюдоистами и вольниками. Самые весёлые были мальчишки из вольной борьбы, не знаю уж почему, но с ними было намного проще общаться и носиться по Москве в поисках приключений. На Олимпиадах и соревнованиях всегда сколачивалась группа разных спортсменов, мы поддерживали друг друга. Радовались, когда кто-то выигрывал первые места, сочувствовали тем, кто проигрывал, сходил с дистанции...

Может быть, именно этот дух соперничества, выдержка и стойкость в борьбе за призовые места помогали мне в жизни.

А что, в каком-то смысле ведь я тоже получила свои призы. Где-то были, конечно, потери, но в основном жаловаться на жизнь не приходится. Вначале, правда, было трудно... и страшно. Боялась даже, что убьют, особенно когда на мою «крышу» наехала другая.

Возможно, некоторым женщинам везёт больше, домохозяйкой быть проще, сиди себе за спиной у преуспевающего мужчины и горюшка не знай, но у меня так не получилось, самой пришлось зарабатывать...

Да, а ребята, с кем была знакома в институте, в водовороте нового перестроечного времени сразу же ринулись в самую гущу, многие имеют свои фирмы, компании, кое-кто даже заводы.

Некоторые пошли в телохранители, вот мой Жорик, невзирая на возраст, так и остался со мной. Знаю этого парня с первого курса института. Сидит теперь, как и в прежние годы, за моей спиной, я его кожей чувствую. Хотя есть ещё один, молодой, Серёжа, но в поездки я всегда беру только Жору. Его заметить нетрудно. Бицепсы, бицепсы. Посмотреть со стороны – «качок», да и только, но мне с ним спокойно...

Даша написала о Лёше Кириллове. Лёша... Занимался боксом. Нет, не знаю, хотя фамилия знакома... Он из Ленинграда, то есть из Санкт-Петербурга. Нет, вряд ли встречала, хотя на всесоюзных соревнованиях и олимпиадах кого только не было...

Да что я, в самом деле, придумываю всякие небылицы... Может, мне хочется каким-то образом ассоциироваться с жизнью этой Даши? Тогда это просто глупость... Мы никогда не встречались и вряд ли встретимся... Книжка нас в этом пространстве аэропорта «столкнула», а в реальной жизни... Разные встречи бывают на нашем веку, с одними людьми всю жизнь, десятилетиями встречаешься, с другими... Мог бы и столкнуться, но, к примеру, трамвай задержался, или самолет, и всё – ты человека не увидел, не поговорил...

В зале ожидания вон сколько человек сидит, но они мне не друзья и не знакомые, а могли бы, могли, в другой ситуации... В иное время и ином месте действия... Наверное, на меня сейчас тоже кто-нибудь смотрит и думает, кто я такая, откуда и чем занимаюсь...

* * *

Неожиданно перед Лидией Сергеевной, сидящей в жёстком кресле, возникли два милиционера. С подобающей вежливостью попросили документы для проверки. Телохранилитель Жорик резко встал и, обойдя ряд кресел, подошёл к представителям власти.

– В чём дело, господа? – бесстрастно задал вопрос.

– Ничего особенного, просто выборочная проверка документов среди пассажиров, – хладнокровно ответил один из милиционеров. – Ваш паспорт, пожалуйста.

Жорик вытащил из кармана паспорт и внимательно смотрел на молоденького лейтенанта.

Полистав паспорта Лидии Сергеевны и Жоржа, лейтенант строго сказал:

– Пройдёте, пожалуйста, в отделение милиции.

– В связи с чем? – только и смогла проговорить Лидия Сергеевна, неловко поднимаясь с места и нечаянно роняя книгу на замызганный пол.

– Ничего страшного, – успокаивающе вставил Жорик, – иногда они проверяют таким образом, посмотрят, ну, может, пару вопросов зададут, и на этом закончат.

В это время второй милиционер поднял книгу с пола и вслух ехидно прочитал название:

– «Легенды и мифы Древней Греции», – интересная, нет?

– Да, книга занимательная, – забирая у него книжку, ответила женщина.

Не спеша, вся группа прошла в отделение милиции. Комната была аккуратно обставлена современной мебелью, ещё одна дверь, по всей видимости, ведущая в другую часть офиса, была закрыта, и на ней висел большой календарь с фотографиями полуобнажённых моделей в ярких купальниках-бикини. Две полногрудые девушки, на фоне пальм и голубого моря, с милой улыбкой, резко контрастировали с смурными, одетыми в тяжёлые, форменные, зимние куртки милиционерами. От одного взгляда на фото пробежала дрожь – вспоминался пронзительный холод на дворе и просто-таки хотелось немедленно прикрыть девиц потеплее, чтоб не озябли.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – пригласил лейтенант.

Лидия Сергеевна села, по привычке, изящно изогнувшись и слегка подняв подбородок, изучающе смотрела на милиционера.

Перелистывая паспорт, он спросил её:

– Вы прилетели из Ганновера?

– Да, три дня назад.

– А в Новосибирске по каким делам?

– По делам своего бизнеса, – резко оборвала Лидия Сергеевна. – Разве запрещено приезжать по делам в другие города России?

– Так, вы прописаны...

– В Москве! Что это – допрос? Задержание?

– Да вы успокойтесь, пока ещё ничего страшного не происходит, – медленно сказал лейтенант.

Жорик попытался что-то вставить, но лейтенант резко сказал своему напарнику:

– Отведи господина Андреева в другую комнату.

Жорж молча, не выказывая волнения, спокойно пошёл за вторым милиционером.

Через несколько секунд дверь за Жорой захлопнулась, но открылась входная дверь, и вошли двое крепких молодых парней.

Лидия Сергеевна напряглась, спросила лейтенанта:

– У вас есть ещё вопросы ко мне?

– Где ваш билет на самолёт?

Открыв сумочку, женщина вытащила билет и протянула милиционеру. В это время краем уха она услышала сдержанную перебранку в соседней комнате, потом странную возню, и вдруг почувствовала тяжёлую руку на своём плече. Оглянувшись, успела увидеть квадратный подбородок и почувствовала резкий укол в шею.

Свободное падение... Смесь страха и удовлетворения...

* * *

Я прыгала с затяжным парашютом. Высоко в небесах, схватившись за руки, мы с Игорем парили, парили... Кольцо! Надо рвануть кольцо и тогда парашют откроется, иначе разобьёшься, разобьёшься... Облака плыли кое-где, небо чистое, чистое... Шум... Шум самолёта... Шум в ушах от свиста ветра...

«На оленях утром ранним мы отчаянно помчимся прямо... прямо... в... в зарю», – мелодия старой песни проклюнулась в голове сама собой, слова и образы путались, забывались, затягивались дымкой... Главное – раскрыть парашют... Пальцы тянулись, все мышцы тела от напряжения сводило судорогой... Есть! Раскрылся! Теперь не страшно... страшно... страшно... Что со мной? Где я нахожусь? Сон или явь? Ничего не понимаю...

Постепенно Лидия Сергеевна приходила в себя, её слегка подташнивало, странная пелена подёрнула глаза, она ничего не могла различить в душной темноте. Виски ломило от боли.

Так, голова на месте, копь болит, а руки? Кровь текла по жилам медленно, это она точно чувствовала, всё было как в замедленной съёмке. Руки..., ноги..., ребра..., зубы... Язык – словно обожжённый, пить очень хочется...

«Кажется, я жива. Я читала книгу, разговаривала по телефону, потом мне стало... плохо?

Лицо молодого милиционера, нет, клоуна, ха-ха-ха, хи-хи-хи... Мама меня предупреждала, мама за меня очень боялась.

Где же ты, мам? В комнате темно, включи свет, пожалуйста... Я темноты боюсь, мне всегда кажется, что в ней возится кто-то ужасный... Подойдёт и делает больно»...

– Кажется, очухаться должна, времени прошло достаточно, – услышала она красивый баритон.

– Подождем ещё минут пятнадцать, а потом и начнём, – раздался другой, более низкий и с хрипотцой.

– Звони хозяину, – вставил первый голос.

Через некоторое время раздалось специфические звуки мобильного: ту-ту-ту – ти-ти-та...

«Хозяин... Сейчас их много развелось. Народу трудно переучиваться с «товарища» на «хозяина». С товарищем договориться можно, а хозяин – любит подчинение; хозяин – барин, слово его – закон. Не выполнил – всё, можешь лапу сосать: ни денег, ни подмоги, будешь сидеть за кольцевой дорогой, а то и мирно сложат твои рученьки на груди и свечечку между ними вставят... Если повезёт, если хозяина сильного да могучего нашёл, если верой и правдой ему служишь, тогда в любых ситуациях прорвёшься... За эти годы уже научились,

как услужить, как вовремя кепку с головы сорвать, только что ручки не лобызает... И девчушек притащим, и в баньке попарим, вкусно покормим и в постельку уложим.

Бред... это просто бред. Какой хозяин? Я сама себе хозяйка... Кошмары по ночам совсем замучили.

Надо потянуться, потом открыть глаза, встать и выпрямить спину. Больше всего не любила, когда за обеденным столом мне повторяли, чтобы я выпрямляла спину: есть, вытянувшись в струну, было страшно неудобно, и фраза «не сутулься, милая» приводила меня в бешенство, но она же и заставляла никогда не сгибаться в жизни. Каждый раз, когда мне бывало тяжело и я замечала, что моя осанка – хуже некуда, я повторяла сама себе эти же слова, и мне становилось легче. Так что, дорогая моя, пора вставать. Просыпайся!

...Не ври себе, не ври... Глаза привыкли к темноте, как будто ты не видишь, что лежишь на медицинской кушетке, укрытая своим же собственным пальто, стены вокруг отделаны белым кафелем до потолка, пустая комната, в углу непонятное сооружение, окон нет, за дверью сидят люди... Вывод один. Только за что?..»

Каскад мыслей проносился со скоростью света. Лидия Сергеевна анализировала последние события.

«...Долгов нет, деньги через оффшор шли очищенные, последние разборки были мелкие, адвокат в Швейцарии – человек умный, да и бумаги я подписывала только после того, как сама тщательнейшим образом прочитывала, моего английского хватает пробуриться через юридическую галиматью. Три дня назад в Германии обсуждены все детали с партнёрами, не было никаких обид или недосказанности, но, может, я что-то упустила?.. Нет, вроде бы, всё нормально... Тогда почему я здесь? Где была сделана ошибка, в чём? Кому я наступила на пятки? Чьих гусей раздражила?»

Но кто? Кто за этим всем стоит? Ничего себе, милая моя Мойра, сплела ты мне не узелок, а узлице, даже по молодости в такие ситуации не попадала, а тут на старости лет...

Без паники, только без паники. В животе холодно... Надо ждать, может, прояснится... Пусть бьют... Да нет, скорей всего “им” деньги нужны, ну и что? Отдам... Только б не насильовали... это самое ужасное. Наверное, бить будут...»

Она привсталала с кушетки, провела рукой по растрёпанным волосам, слегка пригладила, потрогала шею, сбоку была припухлость, пара пуговиц на кофточке растёгнута. Сапожки впились в распухшие ноги. Потянувшись, Лидия Сергеевна медленно растегнула молнии, сбросила сапоги и опустила ноги на пол. От кафеля зазмеилась прохлада вверх по ступням и стало куда бодрее жить на свете. Как в старом анекдоте: «Мелочь, а приятно».

«Немножко посижу, потом пройду по своей... камере. Какая немислимая откровенность... Интересно, что случилось с Жорой? Куда его заперли? Наверняка, он просто так им не дался... Хотя бы жив остался...»

Дверь отворилась, и в проёме показался среднего возраста упитанный мужчина в белом халате. Включив ослепивший Лидию Сергеевну свет, он спросил:

– Госпожа Калугина, как Вы себя чувствуете?

У Лидии Сергеевны сердце затрепетало.

«Может, я всё напридумывала? Может, я просто попала в больницу, и это, наверное, приемный покой в самом бедном, затрапезном госпитале... Да, госпиталь...» – лихорадочно соображала она.

– Позвольте проверить ваше давление, – сказал мужчина и, подсев на кушетку, принялся за дело.

– Скажите, пожалуйста, где я и что со мной произошло? – торопливо спросила его Лидия.

– На ваши вопросы мне отвечать не положено, – мрачно оборвал «доктор».

– Как это «не положено»? Я хочу знать, что происходит и почему я нахожусь в этой странной комнате, – настаивала женщина.

В течение всего диалога «доктор» возился со своим приборчиком.

– Давление в порядке.

Такой ответ совсем не удовлетворил Лидию Сергеевну, и она, негодуя, начала трясти хмурого доктора за плечо и на высоких тонах спрашивала снова и снова:

– Где я? Кто вы такой? По какому праву вы меня сюда затащили?

Мужчина деликатно, но с силой отстранил её руку и громко крикнул в пространство двери:

– Она в порядке, можете приступать.

Предчувствуя недоброе, Лидия вздрогнула, замолчала и медленно встала во весь рост.

В комнату входили трое, один из них нёс мягкое кресло...

Глава третья

ВОПРОСЫ С ПРИСТРАСТИЕМ

Одного она выделила особо. Он всё время что-то бормотал в ритме и в рифму. Но не стихи же, в самом деле...

А-а, мадам, Вы кричите?! Ещё и не так возопите!

Вы контрактик тот подписали?! А почто же нам отказали!

Ах, ты не знаешь, о чём я гутарю?!

Счас, прозреешь в момент! Я та-а-к вдарю!

Боря, её «чатяни», пару раз и, дружок, ... поспеши!

«Н-е-т! Н-е-т!» Тёлка мычит! Ты посмотри на неё, – не молчит!

Будто свирепый кошко ярится. Царапается, дрянь – не винится.

О достоинстве шепчет и молит. Денег – сколь хошь отдаёт,

Не мусолит... Бабы есть бабы, ну, что с них возьмёшь...

Борька, а ты брат – здоров...

Но, может, это её воспаленный мозг «замыслил» стихами?

Ответом прозвучали Лидины «Ха-ха-ха-ха», а потом «хи-хи-хи», вспоровшие пространство заточения...

«Разрушать – не строить, убивать – не рожать... стихи и я могу слагать», – думала Лидия Сергеевна.

Она в полный голос проговаривала строки, которые складывались сами собой, и, вдруг остановившись, опять захохотала. Звенящими горошинами отскакивали её «ха-ха» от кафельных стен. Первое «ха-ха» стукнулось о правую стенку, сползло по каплям засохшей крови, что была разбрызгана в некоем ажуре бесовской абстрактной живописи современного быдла. Второе «ха-ха» ринулось к двери и съехало по роже открывшего её бугая, который ненавязчиво поинтересовался:

– Ты чо, спятила? Ну ты даёшь!

«Ха-ха-хо», – и дверь закрылась...

Посмотрев на свои руки, женщина захихикала. «Хи-хи-хи» уткнулись в запёкшуюся кровь на пальцах... Лак на ногтях кое-где был ободран, жилки набухли на тыльной стороне ладоней и ритмично пульсировали. Она сидела в самом углу... Изнасилованная и растерзанная женщина.

В воспалённом мозгу снова и снова вспыхивали, неслись галопом Его и Её собственные рифмы, переплетённые, перепутанные с прошедшими часами кошмара и боли.

«Ха-а-а, ха-ха-ха-а-а» сползали со стенок, будто грязь со стекла в заброшенном и никому не нужном доме, где валяются забытые старые игрушки, шуршит бумага, и паутина затянула все углы. Пауки любят такие мрачные помещения. Никто их не тревожит, и они ползают, ползают, вьют паутину, размножаются. Поймают букашку... И в кокон её... потом сосут кровь... А капельки росы, словно бриллианты, блестят от лучей солнца на рассвете... Паучьи сети... сети... сети...

Врач внимательно её осматривал и пытался поднять. Она сопротивлялась и всё теснее впикивала себя в угол. Обхватив цепко свои колени, Лидия оставившимся взглядом смотрела на это «ничто» белёсое, искала глаза – и не находила... Хлопнув ладонью по её руке, врач быстро ввёл иглу под кожу.

«Ш-ш-ши, сейчас легче станет», – сказал он, а потом продолжил шёпотом:

– Они ребята с большой властью, они тебя размажут, делай, что просят, иначе... Они не только самолёты задерживают, они на выборы влияют, и никто тебе не поможет. Будешь «без-вести-пропавшей». Даже трупа твоего не найдут.

Голова женщины склонилась на грудь, длинные ресницы прикрыли глаза. Врач сгреб её в охапку и отнёс на кушетку.

– Вот, блин, слово не могу подрифмовать! О!.. «Ночи треклятой», – удовлетворённо хихикнул бугай, стоя в просвете двери с книжкой в синем коленикоровом переплёте.

В следующий момент он швырнул её в глубину комнаты. В полёте книга развернулась и, шелестя страницами, шлёпнулась возле кушетки.

Женщина не шелохнулась. Она лежала в наркотическом полузабытьи. В её мозгу вспыхивали яркие огоньки, а мысли медленно расплывались как бензин на поверхности глубокой грязной лужи. Одна зацепилась за внутренний стон и вновь всколыхнулась...

Лица, рожи, страшные разъявленные пасти проплывали в сознании разноцветными всполохами...

«...На оленях утром ранним...»

Мысли скручивались в спираль, и её несло в некую воронку, уходящую в другое измерение.

Она очнулась от стука крови в виски: бум-бум-бам... Жива?! Нет! Страшно... Я думаю...

Голова человека – вещь уникальная. В голове можно мычать, стенать, петь песни, слагать стихи, разговаривать, молиться Богу... Она вмещает гигантское количество мусорных мыслеобразов, а добрые умные мысли располагаются в стройном порядке, не барахтаются.

«...На оленях утром ранним...» – опять зазвенел в подсознании потусторонний голос...

«При чём здесь олени, – посетовала она, – мясо... Я сама – мясо, только кусками не нарезанное... когда-нибудь оно сгниёт. А кости иссохнут, и останется мой скелет. Я – мясо...»

Неожиданно мозг насторожился. Обрывки сцен из прошлого замелькали всё быстрее и быстрее.

«Оленина... На моих установках паковали оленьё мясо... для отправки во Францию. Да, с Дальнего Востока завозили. Давно было... Евгений уговорил... Заказ был большой... Самого заказчика не видела, от него пожилой, представительный мужчина приезжал... На встречу в кабинет ко мне пришёл с двумя крепкими парнями, под кожаными куртками торчали автоматы... Я ис-

пугалась, согласилась сразу... Условия были хорошие – они мне всё сполна заплатили... Заказчик был как бы мифический. Но нет, однажды по телефону со мной говорил... Голос... Как же его звали? Имя? А какой год был? 1995 или 1993? Не помню... Я так много по телефону всегда разговаривала. Взять и представить каждый телефонный разговор ниткой, наткать полотна, и... о, ужас! Я всю планету-матушку в три оборота этой тканью обернуть смогу. Голос этого мужика был молодой и звонкий... Ах, да... Теперь помню – Алексей Михайлович...

Пожилой приезжал ещё один раз, познакомил меня с моим Зевсом, тот тогда просто начальником отдела в министерстве сидел... Сказал, мне с Зевсом работать необходимо, он-де скоро министром будет... Они его поставят... Подарки из Магадана привёз... Шахматы из моржовой кости... Мастерски фигурки были вырезаны...»

Сознание соскользнуло в бездну полузабытья...

Лидия Сергеевна открыла глаза. «Что это было? Сон?» Пытаясь пошевелиться, она почувствовала острую боль, стремительно пронёсшуюся по всему телу. «Нет... не сон...»

Смутные догадки, в связи с чем произошло её похищение, всё очевиднее освещали общую картину случившегося. Теперь она точно знала... Король? Чёртов король... шахматы... Слёзы потекли по щекам... «Даже пожалеть меня некому. Сколько же времени прошло? Может, моя секретарша звонила? Меня не нашла, в розыск заявила... Глупости, для неё я сижу в аэропорту, и она ещё спит, наверное... Мамочка, как мне больно и мерзко... Господи, что же мне делать?»

Медленно привстав, она спустила ноги в оборванных колготках. Одёрнула платье?! «Платье от Кардена, хм... тряпки от Кардена. Две с половиной тысячи долларов никому не нужных тряпок».

Лидия сделала первый шаг. «Превозмогая боль! Подумать только, до чего же русский язык богат, слово-то какое – “пре-воз-мо-га-я”. Когда уже невмочь терпеть, никаких сил, и от боли зубы сжаты до хруста, а ты идёшь... Иди, милая, до самой двери...» – разговаривала женщина сама с собой.

Шаг за шагом, и она очутилась у дверей. Постучала. Дверь открыл бугай.

– Разговор есть. Буду говорить только с вашим главным, – строго и сухо сказала Лидия Сергеевна тем тоном, который не предполагает ответа. – Принеси зубную щётку, пасту, горячую воду, мой саквояж и настольную лампу. Мне нужен свет. Я должна привести себя в порядок и переодеться. Назначьте встречу через час, – командой звучал её голос.

Мужик, ничего не говоря, молча кивнул головой и двинулся на неё. Женщина не посторонилась. Как-то боком он проскользнул мимо неё и направился к стене, открыл ключом маленькую дверь, которую Лида даже не заметила.

– Пожалуйста, здесь душ, остальное доставим, – сказал он.

Она зашла следом, увидела старый задрипанный душ и, не обращая внимания на соглядатая, стала срывать с себя остатки бывшего шика.

В его глазах блеснуло изумление. Он не двинулся с места, наблюдая за женщиной. Полностью обнажив – увы! уже хорошо знакомое ему тело, – Лидия Сергеевна повернула краны у душа. Струи заржавевшей воды с урчаньем полились ей на спину. От прикосновения воды по коже побежали мурашки. У бугая заломило в бёдрах, и он потянулся было к Лидиной спине, но, не поворачивая головы, Лидия глухо сказала:

– Не трогать! Иначе разговора не будет, хоть убивайте!

Тот сразу понял, она говорила серьёзно. Резко захлопнув дверь, он ушёл, бубня себе тихо под нос. Через некоторое время ей принесли всё, что она потребовала.

Лидия Сергеевна намыливала себя снова и снова, в тщетной надежде чистой водой смыть произошедшее, очистить себя от скверны. «Осквернители... Ничего святого нет... Всепрощение – слишком великое мужество. Не каждому дано. Ей – нет! Такое невозможно простить! Никогда!.. Кто же за всем этим стоит?»

Спустя какое-то время Лидия Сергеевна вытаскивала запасное бельё, брюки и свитер. Плача, она втискивала себя в одежду, потом в кармане саквояжа нащупала косметичку. С трудом села на кушетку и открыла сумочку. Открутив крышку от крема для лица, Лида вдохнула знакомый запах, напомнивший о той, несколько часов назад ушедшей навсегда жизни... Холод крема на щеках прибавил решимости. Взяв зекральце, женщина внимательно разглядывала своё лицо. Чёрным карандашом она подкрасила веки... «Ногти... Хорошо бы снять лак и заново покрыть... Флакончики в кармашке лежат, на всякий “пожарный”. Ладно, в следующий раз. В следующий раз?!! Да ты спятила»...

«Делай сейчас!» – в приказном тоне сказала себе Лида. В комнате запахло ацетоном... «Так-то лучше», – собственная похвала её рассмешила, и улыбка больно растянула опухшие губы... Улыбка – бо-ле-ла!

«Ну? Ты готова, друг мой Лидочка?» – отцовской интонацией спросила она сама себя. «Да... готова». Помнишь, как покойный отец говорил: «Покер – игра умная! Когда играешь, ни один мускул на лице не должен дрогнуть. А по твоему лицу я могу сразу определить, какие у тебя карты, свет мой, Лидочка!» И... голос мамы: «Нашёл чему ребёнка учить! Лучше бы по математике ей помог!»

Слёзы покатались ручьём из глаз Лидии Сергеевны. «Папочка, я тебе обещаю – ни один мускул не дрогнет на моём лице. Козырь у меня один – я умна, ты мне сам говорил. Я – не они. Эти мерзавцы стоят на уровне, ну, знаешь, как в старой шутке: “Чайковский – Полонез Огинского”. Да что я?! Такие звери не знают ни Чайковского, ни Огинского. О чём это я думаю?.. Мне очень, очень больно, папа... Я мёртвая... Надо припудрить лицо».

Её взгляд споткнулся о книжку, лежащую невдалеке. Она непроизвольно потянулась за ней. Распластанная книга кричала со страницы: «Царство Аида полно мрака и ужасов. Там бродит во тьме ужасное привидение Эмпуса с ослиными ногами; заманив хитростью людей в уединённое место, оно выпивает всю кровь и пожирает их ещё трепещущее тело...»

«Что ж ты хочешь мне сказать, бедная книжечка? Всё уже было в этом мире?! Может, и было, но со мной в первый раз... А Эвридику Орфей всё-таки вывел из царства Аида»...

«Главное – не оглядываться назад!» – пробегая по строчкам глазами, думала Лидия Сергеевна. Отложив книгу, она опустила на колени и, поочередно проверяя все отделения саквояжа, наконец нашла пачку сигарет. Зажигалка завалилась где-то в дамской сумке, но в косметичке всегда были спички из какого-нибудь отеля.

Затянувшись глубоко сигаретой, Лидия Сергеевна тяжело поднялась, села обратно на кушетку и сосредоточилась. «Так... Основная моя деятельность – финансирование крупных проектов. Последний разговор с министром был не из приятных, я отказалась... Инвестиции... Банки... Банкиры на Западе меня уважают... Я просто была все эти годы подставным лицом... Ладно, разрулим».

Вскоре «третий» вошёл в комнату с высоким, интеллигентного вида мужчиной.

Занесли стол и три кресла. Лидия Сергеевна попросила оставить её с глазу на глаз с новым действующим лицом трагического спектакля, в котором она по воле роковых обстоятельств оказалась задействована.

Они долго разговаривали полусшёпотом, чертили какие-то каракули на бумаге.

Не прошло и двух часов, а Лидия Сергеевна уже сидела на заднем сиденье «Мерседеса», на переднем – крепко помятый телохранитель Жорик. Ехали молча. «Как это главный сказал? А-а-а, да, что-то вроде “хороших исполнителей не наказывают – хороших исполнителей журят, а слушников убивают”. Мразь... Ну, посмотрим... Зря вы меня, ребята, так “пожурили”... Ох, напрасно же вы это сделали...» – размышляла женщина. Машина подъехала прямо к трапу самолёта.

В бизнес-классе, откинув кресло, Лидия Сергеевна прикрыла веки и с совершенно сухими глазами плакала сердцем, стенала умом, укоряла свою судьбу и тихо шептала придуманную ею молитву всем богам.

Глава четвёртая

ИМЁН И ВРЕМЁН ПАУТИНА

Сквозь стрёкот самолёта Лидия Сергеевна услышала печальный голос Жоры:

– Простите, простите, Лидия Сергеевна.

– Не надо... Пожалуйста, не надо. Я всё понимаю... Против силы... Звучит вульгарно, но... не погрёшь. Ты ничего не мог предпринять, у них всё было хорошо продумано. Теперь главное – молчать! Никто не должен знать, что случилось, – глухо сказала женщина.

– Конечно, конечно, – поспешно заверил телохранитель, видимо, намереваясь продолжить разговор.

Лидия Сергеевна резким жестом остановила его.

– Мне нужно отдохнуть и прийти в себя.

Она опять закрыла глаза, и вдруг возникла сумбурная мысль, никоим образом не соответствующая ситуации. «Интересно, сколько людей с одним и тем же именем мы встречаем в жизни? К примеру, я знаю только одного Жору, но зато...»

И она стала считать, сколько подружек у нее было по имени Таня. По её подсчетам, оказалось пять.

Больше всего ей встречались Сергей, пожалуй, можно и со счёта сбиться.

Были Игоря, Александры, один Гаврил... Куча Владимиров... У совершенно разных по характеру и внешности людей могло быть одно и то же имя... Кто-то в жизни ей крепко насолил, а кое-кто даже был приятелем. Одних она вычеркнула из жизни, других оставила в своей памяти. А сколько Алексеев я встречала? И когда?

Имена и голоса известных и неизвестных тебе людей вспыхивают в памяти, приотгловато сплетаясь в узоры воспоминаний, и однажды ты почти зримо ощущаешь эту сотканную жизнью паутину человеческих связей, прочно вошедших в твоё сознание, только одни паутинки мерцают ярко, другие блекнут и совсем исчезают, третьи же оставляют кровавые следы. От мыслей об одних ты трепещешь, от чьих-то имён любовь и истома наполняют сердце, а от иных с души воротит...

Какое же сейчас время сумасшедшее! Страшное. Люди от денег дуреют. Деньги сдирают с них человеческую оболочку, ещё не остывшую от костра, в котором сожжена нравственность. Возвыситься над другим любыми путями, прошелестеть растопыренными пальцами и уничтожить человека в человеке становится ежедневной рутинной. Рабство духа и неволя безвременья... И веры... Веры никакой нет: ни в кого и ни во что...

Лидия Сергеевна чувствовала, что Жора вот-вот опять заговорит, и, чтобы остановить очередные излияния, она, покопавшись в сумочке, достала книгу и подала её телохранителю:

– Читай!

Тон приказа обескуражил Жору, и он покорно взял книжку. Лидия Сергеевна медленно поднялась и направилась в туалетную комнату. Ей хотелось вымыть лицо и руки, но злосчастный кран выдавал воду брызгающими порциями, что всё более и более злило.

Женщина в зеркале смотрела на неё впавшими глазами, на лице – иступление. Резким движением Лидия выхватила несколько салфеток из упаковки и начала скрести лицо, потом уже в ярости рвала их на мелкие кусочки. Она вновь и вновь выхватывала девственно-белые бумажки и рвала их, рвала... Куски бумаги летели и кружились в узком пространстве туалетной комнаты, падали на пол, постепенно устилая его сплошным покровом. В очередной раз ухватив больше салфеток, чем могла разорвать, Лидия стала раздирать их зубами. Пальцы посинели от напряжения...

Она опомнилась от стука в дверь: «Всех пассажиров просим вернуться на свои места: мы входим в зону интенсивной турбулентности». Самолёт качнуло, потом бросило вниз, вверх, Лидию швырнуло в сторону и больно стукнуло головой об обшивку. Выскочив из комнаты, она спешно пробиралась к своему месту. Двигаться по проходу между кресел было сложно – мотало из стороны в сторону.

Краем глаза Лида заметила, что Жора сидит, уткнувшись лицом в книгу, и плечи у этого гиганта вздрагивают. «Бедный Жора, турбулентность в жизни бывает страшней, чем в природе», – подумала женщина.

Самолет встряхивало всё сильнее и сильнее, так что Лидия, не дойдя до своего места, рухнула на случайное пустое кресло и, пристегнув ремни, скорчилась от подкатывающейся тошноты.

Минут через тридцать всё утихомирилось, и Лидия Сергеевна вернулась, села рядом с Жорой.

– Как книга? Нравится? – устало спросила она.

Телохранитель молча протянул ей книжку с раскрытой страницей.

– Страница шестьдесят пять... Вот здесь, прочтите, – сказал Жора, указывая пальцем на абзац в конце страницы.

Лидия начала читать: «Слуги громовержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Не знают их сердца жалости, в их глазах никогда не теплится сострадание... Печальный, низко склонив голову, следует за ними бог Гефест со своим молотом. Ужасное дело предстоит ему. Он должен собственными руками приковать друга своего Прометея». Внутри что-то ёкнуло, глубоко-глубоко под сердцем, Лидия напряглась и поняла, что всё это время безнадежно пыталась отыскать среди всего её окружения того, кто был причиной случившегося. И сейчас, после прочтения этих строк, мрачная правда вставала во всей её первозданной обнажённости. Она не хотела принимать её...

Но ответ звучал в голове: «Это – Он... Он... Чёрный король... Но мы же любил друг друга...» Хоть он и жил на Севере и владел месторождениями, вёл свои дела на Чукотке и Магадане, но всегда приезжал в Москву, оставался у неё неделями. Был разведён. И Лидия считала, что вот-вот они поженятся. Вся эта история длилась много лет, а потом... Она сама решила расстаться.

Летом, ещё до размолвки, Евгений попросил её найти финансирование для алмазного проекта. Но Лида отвертелась: нефть и алмазы – игра для «больших мальчиков», а ей, «девочке с накрашенными ресницами», там делать нечего. Женя упорствовал, настаивал, но она не уступила.

Вскоре с точно такими же предложениями выступил шеф, но Лидия была категорична и опять отказала. Впрочем, ей даже в голову не пришло, что её

Зевс и Женя могли быть в одной упряжке... Она никогда не занималась никакими сделками с Женей, она не хотела примешивать к любви дела... Только один раз согласилась, давно-давно... оленину упаковывать, это дело он ей подбросил, просил за своего хорошего партнёра. Сказал: «Заработаешь деньжат». Тогда-то их роман и начался...

«Он любил меня так страстно... Конечно, Женя к тому времени уже преуспевал, денег постоянно предлагал, да только я не брала, разве что подарки, которым всегда радовалась, а иногда умилялась до слёз.

...Стоп, кажется, он говорил: если я откажусь – “ничего хорошего не будет”, как-то ненавязчиво между поцелуями вроде бы пригрозил. Но ведь это показалось мне тогда всего лишь шуткой! Хотя странными были его слова: “Ну, смотри, дорогая, потом всё равно ведь придётся...”»

А разрыв произошёл, потому что, приехав в командировку в сентябре, он как-то исчез и не появлялся, не звонил три дня, она сходила с ума, думала, может, его убили – время такое! Но Жора намекнул: с ним-де всё в порядке, и ей не надо знать, где Женя находится.

Но Лидия Сергеевна строго приказала Жоре повести её туда, где был её возлюбленный. Жора есть Жора: сказали ему, и он сделал. Как же она пожалела, что поехала...

«...Я таких оргий не видела и даже представить не могла, даже в самом в страшном сне, там были не только голые девицы, там были мальчики, наркотики... И всё выглядело ужасно. Я не смогла этого вынести. Когда он меня увидел, стряхнул с обнажённого тела двух девиц и, едва прикрываясь какой-то салфеткой, принялся красноречиво доказывать, что так надо по работе, а наши с ним отношения неприкосновенны, и он чист передо мной... Конечно же, я знала о таких попойках, но никогда и подумать не могла, что мой Женя способен принимать в них участие. Разврат и бизнес не укладывались в моём понимании в одно русло. Наивная слепота.

Я ехала домой в машине и рыдала. Жора, как мог, успокаивал меня, гладил по волосам... В ту ночь я не спала до самого рассвета.

На следующее утро, подходя к машине, заметила у Жоры синяк под глазом. И он объяснил мне, что на тренировке не смог уклониться от удара... Но мне было предельно ясно – Женины ребята поговорили с ним по-своему. В глубине души я даже была польщена и горда, что у меня есть защитник – мужчина, способный постоять за меня и мою честь. Хорошо помню – именно это скрасило мои душевные терзания и утолило глубокую досаду на себя и неустроенность женской судьбы. В тот день мы купили в ближайшей аптеке траву-бодягу, и я потребовала, чтобы Жора непременно прикладывал траву к синяку – пусть бы прошёл поскорее. Он упрямылся, отнекивался...

Мысли у Лидии Сергеевны неслись, сменяя друг друга с бешеной скоростью. Вдруг в глазах потемнело, и сердце пронзила режущая боль. Она хватала воздух полуоткрытым ртом, рука сама потянулась к горлу, и Лидия обмякла. Где-то далеко-далеко звучали голоса, особенно выделялся Жорин, он был громким и почему-то бабьим. Он звал на помощь.

«Нужен доктор или любой человек с медицинским образованием!» – тревожно прозвучало объявление, встрепенувшее всех пассажиров. Поднялась суматоха. Жора легонько похлопывал Лидию Сергеевну по всё более бледнеющим щекам. Люди приподнимались с мест, громко шептались.

С последнего ряда экономического класса поднялась старушка. Медленно ступая, с высоко поднятой седой головой, она продвигалась по проходу. Поравнявшись с бортпроводницей в кухонном отсеке, сказала:

– Милая, нашли доктора? Может, я чем смогу помочь? Я всю жизнь работала старшей, а потом и главной медсестрой в психиатрической больнице

в Ленинграде. Сейчас-то он Санкт-Петербург. Ну, да что говорить, главное – помочь человеку.

Бортпроводница оглядела старушку и, подхватив её под руку, буквально потащила в бизнес-класс.

– Лена, – обратилась девушка к коллеге, стоящей рядом с Лидией Сергеевной, – вот – женщина работала главной медсестрой...

Старушка, слегка наклонив голову, сказала:

– Меня зовут Раиса Владимировна Петухова, я из Питера, в Новосибирск ездила внуков и правнуков повидать, а теперь в Москву лечу, свояченицу проведать. Ну, что тут происходит?

Она пододвинулась поближе к креслу, лёгким жестом отстранила Жору. Взяла руку Лидии Сергеевны, нащупала пульс...

– Скорей всего, инфаркт миокарда, необходимо срочно госпитализировать, если опоздаем – уйдёт девочка, не спасём. Молодая, ей бы ещё жить да жить. Но...

Старушка нахмурилась, помедлила, затем стала расстёгивать у больной манжет на блузке. В этот момент Жора широкой спиной отгородил их от остальных присутствующих. Подтянув рукав до локтя, Раиса Петухова обнажила исколотые вены и огромные расплывшиеся синяки вокруг них.

– Что это? – вопрос повис в воздухе.

Жорины глаза зло блеснули.

– Ей делали инъекции.

– По-моему, этой женщине нужны не только врачи, – многозначительно ответила бывшая медсестра. – Вы её муж?

– Нет. Присядьте, пожалуйста, рядом с ней, я пойду, поговорю с пилотами, – с этими словами Жора развернулся и, попросив стюардессу пройти с ним, удалился по направлению к кабине пилотов.

Раиса Владимировна Петухова присела на край кресла и, держа в руке ладонь умирающей женщины, задумалась. Чего только не довелось ей повидать на долгом жизненном пути. Да, она могла по пульсу и зрачкам поставить диагноз. Судьбой ей было дано видеть не только физическую боль, но и душевную. А научил её этому молодой аспирант, китаец, врач. Он был её пациентом в психиатрической больнице, даже имя его она помнила: Кирилл Ли, во всяком случае, так он себя называл. Лекарства принимал только от неё. Никого к себе не допускал, ни с кем не разговаривал. Молчал почти год.

Однажды, в ночное дежурство, Рая, тихо ступая, шла по коридору больницы, тускло светили лампы, оплетённые сетками, из палат слышалось сопенье, тоскливое подвыванье, шёпот и стоны. Задержавшись у двери в его палату, она прислушалась. Было тихо. Отворив дверь, зашла к нему в палату проверить: всё ли с ним в порядке, и увидела то, что поразило бы воображение любого. В полосе лунного света Кирилл, скорчившись, сидел на полу перед листом бумаги и сосредоточенно измерял линейкой накапанное нечто, причем капли были разные: большие и маленькие. Увидев её, он сказал слегка сишлым голосом:

– Видите ли, Раечка, количество спермы бывает разным, это зависит от того, между какими пальцами руки происходит фрикция и извержение семени. К примеру: между пятым и четвёртым только на три миллиметра, а между первым и вторым пальцем в новолуние – практически сантиметр. Мне бы лабораторные весы найти, тогда бы я смог взвесить и описать более точно. Хорошо бы достать лунный календарь и карты звёздного неба... Знаете, моя научная работа была связана с генетикой... впрочем... Несколько лет назад я влюбился в одну девушку, аспирантку. Она приехала из Индии. Сначала она со мной заигрывала. Звала к себе, поила чаем и рассказывала о Кама-Сутре. Тридцать дней не

подпускала к себе. Внедрялась в мою душу, заволокла моё сознание. Я даже сон потерял от любви. Наконец, она сказала, что мы готовы предаться страсти. Что это было, невозможно рассказать... И я истлел, как ароматический фимиам, который девушка воскуряла у себя в комнате аспирантского общежития. Она-то и рассказала мне, что извержение семени по количеству в разное время суток, месяца, года, противостояния разных планет бывает неодинаковым. Я ей не верил и говорил, что это зависит от разных чувств – любви, ненависти, симпатии... Она смеялась надо мной... Однажды она внезапно уехала, не сказав мне ни слова, не попрощавшись, не оставив даже адреса. Тщетно я пытался её найти... Так моя любовь и сгинула, истаяла в небытие. Только жить я без неё не смог. С ума сходил... Друзья меня с другими женщинами знакомили. Но я мечтал только о ней... Болен я... Неизлечимой любовной лихорадкой... Муки сердца можно погасить только молчанием, но не всегда помогает. А вот науку продолжать я могу. Ты бы принесла мне, Раечка, весы лабораторные... А за это я тебя научу, как по пульсу и зрачкам диагностики души и тела ставить. Лучше заслуженных врачей и академиков станешь. Людям поможешь. Я эти знания по наследству получил от деда, который из Китая на Дальний Восток сбежал...

В течение всего монолога медсестра Петухова, потеряв дар речи, стояла не шелохнувшись и не знала, то ли бежать звать дежурного врача, крича от восторга, потому как пациент заговорил, то ли кивать в знак согласия, принимая предложение душевнобольного. Он продолжал говорить, что они повязаны теперь друг с другом великой тайной. Кирилл хотел остаться «великим немым» в обмен на знания, которые обещал поведать медсестре...

Неожиданно воспоминания старой женщины прервал голос командира самолёта:

– Уважаемые дамы и господа, наш самолёт идёт на вынужденную посадку в ближайший аэропорт по пути следования. На борту находится пассажир в тяжёлом состоянии, требуется немедленная госпитализация. Просим всех пристегнуть ремни.

В салонах началась сумятица, кто-то кричал, что опаздывает на свадьбу, и так, мол, на целые сутки задержали, подвыпившие мужики матерились, женщины сострадательно одобряли решение командира.

Раиса Петухова про себя сказала: «Молодцы, ребята, не пропало ещё милосердие, знать, есть всё-таки Бог на свете и добрые люди среди нас».

Вскоре подошёл Жора и спросил:

– Как она?

– Жива, дышит.

– Вы сидите рядом с ней, пожалуйста, – попросил телохранитель, – я в другом ряду пристроюсь.

Старушка участливо кивнула головой. Раиса Владимировна догадывалась: с этими двумя людьми произошло что-то, о чём вслух не скажешь. И правда, иногда лучше смолчать.

Вот и она в ту ночь с Кириллом уговорилась, врачам не доложила... А на следующее дежурство притащила старые лабораторные весы с крошечными гирьками. Кирилл радовался, будто ребёнок, а потом дал ей первый урок по диагностике. Наверное, из-за большого любопытства или ради эксперимента Рая приняла его уроки за совершенно серьёзное дело. Для начала он попросил её внимательно прислушаться к его пульсу и определить, где в ритме происходил еле ощутимый сбой. Затем сказал, что этот сбой говорит о хроническом пиелонефрите. Она усомнилась, но новоиспечённый Раисин «учитель» попросил посмотреть его историю болезни и удостовериться. И он был прав. Потом заставил её слушать его пульс минут пятнадцать, указывая на определённый мерный удар, определяющий, как он сказал – неизлечимую любовную хворь.

Словом, по прошествии какого-то времени, при всём кажущемся безумии происходящего, она научилась чувствовать разницу в пульсах пациентов и видеть, как на картине, что с ними происходило и чем они болели. Радовалась, когда её диагнозы совпадали с диагнозами врачей, иногда даже настаивала на дополнительном осмотре, чтобы удостовериться в своей правоте, если диагнозы не совпадали.

История с профессором-астматиком, жившем в её коммуналке, была интересной. Люди считали – у него астма, а она точно знала – у профессора была аллергия на его собственную дочь. Да, вот такой удивительный диагноз она ему поставила, только никто о нём не знал, если бы сказала – засмеяли! Но у профессора, на самом деле, всегда возникали приступы удушья после визита дочери. Возможно, дочь пользовалась особой парфюмерией, а может, её застарелая злоба, как энергетическая змея, обвивалась вокруг тонкой морщинистой шеи старика... Все знали – она была недобрая и неулыбчивая женщина...

Самолет пошёл на снижение, Раиса Владимировна Петухова напряглась и с ещё большим вниманием прислушалась к пульсу пассажирки. «Милая, главное, держись, – перепад давления пережить, затем посадку, а там доехать тебе до приёмного покоя, и всё будет хорошо». Петухова сидела в неудобной позе, её морщинистые руки держали запястье умирающей. Старушка прикрыла глаза, внутренне собралась и стала глубоко дышать. По методу Кириллы она пыталась передать энергию этой женщине, с которой жизнь столкнула её в самолёте, что называется, в воздухе... Слабый пульс стал биться ровнее, а может, это ей показалось. Вспомнилось, как точно так же спасла подругу своей соседки Дашеньки Белоцерковской, кажется, ту Людой звали... «Ах, какая уж теперь девушка, ей, наверное, сейчас лет пятьдесят, как и этой бедной женщине, но всё равно – они для меня, восьмидесятилетней старухи – просто дети»...

Пилот первого класса Илья Махмудович плавно посадил самолет. Скользящая помощь неслась по полю аэродрома. Снег хлопьями кружил в воздухе и ложился на землю. Замолкли моторы. Илья потер лоб: «Может, успели», – подумал он, встал и вышел из кабины. По трапу уже бежали санитары с носилками. Вскоре, осторожно ступая, они выносили пассажирку из самолёта. Жора, забрав сумки, следовал за ними и, поравнявшись с пилотом, крепко пожал ему руку:

– Спасибо, капитан, спасибо, друг.

– Дай Бог, может, обойдётся, – ответил Илья.

Раиса Владимировна Петухова продолжала сидеть в кресле, в её ладони были зажаты купюры, что впопыхах сунул ей Жора на прощание, лепеча слова благодарности. Она была обессилена, казалось, даже ноги отнялись. Раиса Владимировна уже знала, что женщина будет жить.

Илья Махмудович распорядился, чтобы старушку оставили в бизнес-классе, принесли её вещи.

– И вообще, Лена, – сказал он стюардессе, – полное внимание бабушке, она очень помогла.

В течение всего полёта до Москвы он часто справлялся о старой женщине, но ответ стюардессы был один: «Спит бабуля, перенервничала, отдыхает»...

Журнал публикует фрагмент романа. Книгу Виктории Кинг «Отшельница» можно приобрести на маркетплейсах.
